

АВЕРИН | ВАРДУНАС

ХРОНОС

ОХОТА НА НОСТРАДАМУСА

Хронос

Игорь Вардунас

Охота на Нострадамуса

«Автор»

2013

Вардунас И. В.

Охота на Нострадамуса / И. В. Вардунас — «Автор»,
2013 — (Хронос)

ISBN 978-5-699-66276-0

Говорят, человек не в силах противостоять трем вещам – Судьбе, Времени и Смерти. Но что будет, если найдется смельчак, который решится бросить вызов могущественным силам?..2001 год. Чикаго содрогается от череды таинственных ограблений. Кто стоит за всем этим – хорошо подготовленная банда или отчаянный одиночка? Специальный агент Кейт Либби уверена, что это дело рук одного и того же человека, который невероятным способом оказывается в нужное время в нужном месте и так же стремительно исчезает, не оставляя ни следов, ни улики. Но какую он преследует цель? Фигуры расставлены для смертельной схватки с неуловимым маньяком, играющим тайнами прошлого и настоящего, ответы на которые кроются в загадочных считалках с секретом. Хотя противник смертельно опасен, на его след уже вышли сотрудники корпорации «Хронос»... И начинается охота. Охота на Нострадамуса...

ISBN 978-5-699-66276-0

© Вардунас И. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава первая	9
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Вардунас, Никита Аверин

Охота на Нострадамуса

© Аверин Н., Вардунас И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

...Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью.

...Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа.

Декларация независимости

Пролог 1985

*Маленький бельчонок,
Пора тебе в кровать,
Завтра день ведь долог,
И нужно отдыхать...*

– Помогите!.. Выпустите меня, пожалуйста! Умоляю! Я никому не скажу-у!

– Ну-ка тихо! Тихо, кому говорю? Тебя разве не учили, что перебивать старших нехорошо? Неужели тебе не интересно дослушать? Я сочинил этот стишок специально для тебя.

Взрослый замер и прислушался. В ночном воздухе дыхание неторопливо превращалось в густой клубящийся пар.

– Будешь слушать?

В опустившейся лесной тиши неразборчиво прозвучал сдавленный, тоненький всхлип.

– То-то. Вот и умница.

Хрусь! Хрусь!

Тупое лезвие вогнутой садовой лопаты стало вновь вгрызаться в грунт, закидывая комьями сырой земли последний видный угол грубо сколоченного ящика, лежащего на дне двухметровой ямы, напоминавшей могилу. Куплеты считалки в обрамлении пара ритмично срывались с обветренных бормочущих губ, по мере того как копающий сильнее налегал на черенок лопаты. словно в чаще осеннего леса закипал кем-то позабытый большой сюрреалистический чайник.

Остро пахло разрубаемым дерном, свежими досками разломанных ящиков и потом, насквозь пропитавшим свитер под расстегнутым рыбацким плащом.

*Ты свернись клубочком,
Сон к тебе придет...*

Измазанный в глине сапог с налипшими на подошву листьями вдавил царапнувшее по камню лезвие, и копающий крякнул, вырывая из земли внушительный кусок дерна с корнями, которые упруго рвались, словно жилы человеческой плоти. Нагруженное лезвие лопаты повернулось к яме. По лесному ковру зашлепала осыпающаяся грунтовая крошка, рядом с кучей хвойного муравейника детским шнурком плюхнулся червяк.

*И расскажет ночью,
То, что завтра ждет.*

– Выпустите меня, пожалуйста!

– Ну-ка, цыц, ты! Ишь развопилась!

Быстро же она очухалась. Надо было посильнее плеснуть на платок.

– Вы-пус-ти-те, прошу!

Снизу раздался приглушенный удар, сопровождаемый сиплым криком. Под тонким слоем набросанной земли доски скрипнули, но выдержали. Толчок на слух звучал явно слабее. Это хорошо. Это очень хорошо. Значит, осталось недолго. Устала, наконец. Они вечно такие непоседливые, эти малыцы. Глаз да глаз нужен. И с ними одни сплошные расходы. Копающий

ухмыльнулся. Разворчался, как какая-нибудь домохозяйка. Но лишняя банка столярных гвоздей все-таки была чересчур накладной. Пусть и новеньких, добротных. С визгом вонзающихся в дерево так же легко, как нож в масло. Тук-тук-тук!.. Он и так проторчал на заправке дольше обычного. Да и тот парень на «Форде» чересчур сильно пялился, пока он выгребал кассирше остатки мелочи да засовывал покупки в пакет. Не смекнул бы чего.

Перехватив лопату, мужчина полез в карман плаща, отозвавшийся холодной сталью до половины наполненной фляги. На смену настороженности пришло облегчение. Еще осталось. Последние деньги вместо гвоздей он потратил на пойло. Немного выпивки для папочки холодным осенним вечерком. Для старого доброго папочки. Человек приложился к фляжке. Холодное горлышко обожгло губы. В мозгу сладкой эйфорией разливалось привычное предвкушение скорой развязки.

– Умоляю! Я никому не скажу-у!

– Ну, тихо, тихо, красавица. Осталось чуть-чуть. Еще немножко потерпеть. Э-эх...

Хрусь! Хрусь!

Засунув флягу обратно в карман и перехватив лопату, мужчина принялся шустрее закапывать яму, на дне которой в ящике отчаянно билась девочка.

*Ты свернись клубочком,
Сон к тебе придет.
Пум, пум-пум-пум...*

Она изо всех сил трепыхалась, безнадежно суча руками и ногами, словно жук, посаженный в коробок, которого придавили ватой.

*Все бельчата должны спать,
Хватит хвостиком махать...*

Скребущий отзвук железа все дальше и дальше уходил вверх, отрезая девочку от внешнего мира, который давно погрузился в давящую, удушливую тьму. Сквозь еще остававшуюся единственную косую щель между досками, единственный спасительный лоскут внешнего мира, были видны ветки, небо и куцый огрызок луны, тусклым светом освещавший исцарапанную и испачканную щеку девочки, с полосками слез.

Страх сжимал сердце, стискивал горло и вязко набивался в легкие, мешая дышать. Где-то на краю обезумевшего сознания, на которое так внезапно и беспощадно обрушилась чудовищная плита насилия, ясно и четко пульсировал факт, что на помощь никто не придет. Чуда не будет. Но ребенок все равно продолжал надрываться из последних сил. Вдруг кто-то услышит. Ну, хоть кто-нибудь.

– Помогите! Помогите, пожалуйста! Кто-нибудь! Прошу вас! Папа! Папочка...

Охоту на Иллинойского Могильщика дождливой осенью 85-го помнили долго. Весь штат, от мала до велика, во главе с губернатором (еще не окончательно спившимся Сэмом Брейкобом, за которым впоследствии тоже закрепилась парочка не совсем чистых делишек) прочесывал «Землю Линкольна» дюйм за дюймом, вдоль и поперек, от Миссури до Индианы. Объявления с приметами и куцей информацией о пропажах развешивали на бензоколонках и придорожных столбах, печатали улыбающиеся детские лица с вопросом «Вы меня видели?» на пакетах с молоком, трубили в новостях и по радио – без толку. Народные дружины, полчища перекрикивающихся копов, сопровождаемых кинологами с армией скалящихся полицейских собак, перетрясли Иллинойс буквально по камню. Но что такое пара пропавших детей на гигантской площади в сто пятьдесят тысяч квадратных километров – все равно что разыски-

вать иголку в стогу сена. И поначалу распаленный праведным гневом энтузиазм сплотившихся перед общей угрозой людей стал быстро падать. Не поменяли ветер даже фэбээровцы, почти целый месяц с настойчивостью вымуштрованных ищеек разнохивающих тут и там. Могильщик не оставлял ни свидетелей, ни следов. Но чьи-то молитвы все-таки были услышаны.

И одному ребенку повезло. Практически замученную девочку-подростка удалось-таки обнаружить и спасти в самый последний момент. Правда, бедняжка осталась сиротой, мать зверски зарезали в день похищения, а отец, по слухам, пустился в бега. Но после этого случая в один день все прекратилось. Как отрезало. Теперь о похождениях зловещего Иллинойсского Могильщика можно было услышать только за стаканчиком в каком-нибудь придорожном кабаке, да пару куцых бак от фыркающих в усы копов, лениво мусолящих ваши документы на обочине за мнимое превышение скорости.

Ребенок устал, был одурманен хлороформом и смертельно напуган, но из последних сил хватался за жизнь, остервенело молотя окровавленными кулачками в стиснувшие со всех сторон, неоструганные доски самодельного гроба. В глазах плескался жестокий нечеловеческий ужас, лишавший остатков сознания и сводивший судорогой исцарапанные, липкие от крови пальцы.

– Господи... Боженька, если ты есть...

А вдруг это просто кошмар? Дурной сон, и она вот-вот проснется, как бывало миллионы раз. Она проснется. Стряхнет отголоски сна, и мама принесет ей стакан воды.

– Пожалуйста...

В спутанных волосах с изорванной лентой извивалась толстая противная гусеница, но девочка не могла повернуть головы или подтянуть руку. Звуки извне доносились все приглушеннее, словно в уши замученной пленнице забили беруши.

– Помогите! Кто-нибудь! – теряя силы, одними губами прошептала она.

*Завтра день ведь долог,
И нужно отдыхать...*

Последний ком дерна плюхнулся на деревянную крышку самодельного гроба, загораживая единственный проем между досок и заглушая короткий детский вскрик...

Через восемь лет в пятидесяти милях к северу от места захоронения девушка Кейт Либби вздрогнула и проснулась.

Часть 1

Человек, который знал все

Глава первая

*Нет хороших парней, нет плохих парней,
Оружие в руке плохого человека – плохая вещь.
Любое оружие в руке хорошего
человека не навредит никому...
...кроме плохих людей.*

Чарльстон Хестон

Чикаго, Иллинойс, 2001

Я не мог жить, не делая того, что мне нравится, дорогая. И я должен был быть готов умереть за это. Я трус. Знаю.

Мы все отстаивали надуманные идеалы, хуля бесчисленные пороки, которые сами же и порождали, а когда приходил черед уйти с поля, нам становилось глубоко наплевать, каким, собственно, становился исход той войны, на которой мы проливали кровь и обрели свой конец. Сколько убили с той стороны, а сколько с этой. Кто прав, кто виноват. Черные или белые. Война – это миф и самообман. Нерв. Электрическая петля на кадыке человечества. Тогда почему мы все еще здесь, ведь неужели нам больше некуда идти? Солдаты без фронта, души и семьи. Что ждет каждого из нас, кто рано или поздно будет вынужден переступить черту, разделяющую жизнь на «до» и «после»?

Молния, которая расчертит небо и одним ударом отпустит грехи, перемешав их в пепел вместе с плотью.

Летнее небо за витриной кафе раскатисто заворчал.

Значит, все-таки будет гроза, – думал Дениел, глядя на громадную свинцовую тучу, неспешно наползавшую на крыши домов далеко на востоке. – Для общества бунт – вещь не менее полезная, чем гроза для природы, так, кажется, говорил Джефферсон... Видел бы ты, что стало с этим миром сейчас, старина.

Июль в этом году выдался на редкость дождливый. Природа словно ощущала неуловимые колебания, в нефизических сферах случившиеся в городе за последний месяц. Неужели это все из-за него, пока они его искали? А его искали, он в этом не сомневался. Но пока везло. Сказочно везло.

Все-таки линии вероятности – странная штука. Он давно заметил, что последовательность событий, на которые можно влиять, остается неизменной – за что уж не стоит беспокоиться, – а вот с погодой каждый раз все обстояло по-разному. А разве на нее никто и ничто не влияет? Или в этом мире действительно существуют и работают вещи, неподвластные человеческой воле и разуму? Почему здесь? В это время? Именно сегодня?

Время – как взмах крыла бабочки. Смазанный, неуловимый. Один-единственный, застывший в бесконечности. Он дожидается своего часа где-то внутри каждого из нас. Мы же продолжаем бежать, с легкомысленным упорством стачивая жизни подобно разноцветным мелкам, которыми выводят на асфальте, зажав беспечной детской рукой... Спотыкаемся, падаем, не успевая разглядеть в короткой, отпущенной нам суете самого главного.

Неплохо подмечено. Когда? Кем?

Дениел провел ладонью по небритой щеке. Почему здесь? Именно сегодня?

На вид ему было около сорока, не больше. Правильные, не лишённые привлекательности черты лица, тонкий нос, внимательные карие глаза, в уголках которых залегли глубокие сеточки тонких морщинок – явные отпечатки лишений и беспокойного образа жизни. Трёхдневная щетина и не очень длинные, зачесанные назад светлые волосы, с легкой проседью на висках. В общем, на первый взгляд ничего сверхъестественного – типичный торговец поддержанными авто или предприниматель средней руки, зашедший поутру выпить чашечку кофе. Вид задумчивый, даже немного грустный – наверняка вытурила какая-нибудь капризная юбка, и ночевал парень в придорожном мотеле. Милые бранятся, как говорится... Но по опрятному внешнему виду (пиджачная пара, чистая, хоть и мятая белая рубашка под расстегнутой курткой с заплатами на локтях) можно было допустить, что на данный момент дела более-менее пришли в норму и человек в кои-то веки шагнул на белую полосу. Но судить об этом было практически некому – в этот час в ресторанчике, помимо него, находились только хозяин да скучающая пожилая официантка, шуршавшая пластинками у музыкального автомата.

– Земля Палестины вскоре будет освобождена! Существование этого режима – постоянная угроза Ближнему Востоку, его существование унижает достоинство исламских наций...

Дениел отвернулся от бубнящего телевизора над электропечью, медленно подогревающей крутящиеся на проволочном садке круассаны. Отхлебнул остывающий кофе и посмотрел на улицу сквозь наклеенное с другой стороны витрины косое название гибрида кафе с пizzerией, в котором, по смелому заверению приписки ниже, подавали лучший яблочный пирог во всем штате. Улица как улица. Таких в Чикаго, да и по всей Америке, сотни и маленькая тележка. Четкие прямые линии, похожие, как братья-близнецы, копченные временем коробки домов с вертикальными зигзагами наружных лестниц, пришвартованных друг к другу веревками с колыхающимся на предгрозовом ветру цветастым застиранным бельем. Красные бородавки натканных по углам пожарных гидрантов. Автобусная остановка, щедро закамouflированная граффити – следами обитания разновозрастной ребятни, шумно пинающей мяч в закоулке с баскетбольным кольцом, под ритмы громящего отражающимися от стен высоток басами бумбокса. Группа ремонтников, перегородивших часть улицы как раз со стороны кафе, в котором ждал Дениел, суесящихся вокруг ямы, из которой зачерпывал огромным ковшом фыркающий гидравликой экскаватор. От соприкосновения ковша с почвой мелко вибрировал стол, звенели бокалы, подвешенные за ножки над стойкой. Шел мелкой рябью экран телевизора. Ритмично выстукивал отбойный молоток.

– Уверуйте, и он возьмет трубку! – кричал всклокоченный бородатый мужик у светфора, нацепивший порезанную коробку из-под холодильника, на которой с ошибками черным маркером было выведено «Грядет тот день, который тебе еще припомнят!». – Просто наберите номер и спросите – кто на проводе? И рекут вам – Иисус на проводе...

С этими словами он круговым движением водил пальцем, словно набирал невидимый номер, по той части коробки, где предположительно должно было находиться сердце, а второй, сжимающей красную телефонную трубку на болтавшемся оторванном проводе, тянулся к небу, монотонно раскачиваясь в такт произносимым словам.

Ничего необычного. Как всегда. Боже, благослови Америку.

Через несколько часов эта улица попадет на первые полосы всех известных газет, журналов и брошюр, которые только выпускались в этой стране. Название кафе, в котором перекусывал Дениел, тоже там будет. Правда, не в столь нарядном и вылизанном виде, как сейчас, но лучше рекламы не придумаешь. Худшее из того, что о вас говорят, – это если о вас не будут говорить вообще. Уайльд, кажется. Позднее на развороте «Чикаго сан-таймс» какой-то острослов напишет: «Резня на перекрестке Миллера». Времена меняются, газетчики – никогда. Дениел мысленно усмехнулся. В хлестком заголовке было что-то от Хэммета, которым он зачитывался в колледже. Когда-то давно. Миллион лет назад, в другой жизни. Деньги – нерв войны. Но на этот раз он, не по своей воле ставший изгоем и одиночкой, не будет в этом

участвовать, а будет только подбирать. Подбирать, словно падалыщик. Шакал, пожаловавший на кровавое пиршество смерти после насытившихся господ. Пусть. С него хватит крови. Ему осталось совсем чуть-чуть.

Интересно, так ли ощущает себя Бог, когда смотрит на нас? – думал Дениел, разглядывая неторопливый, размеренный субботний мир за окном. – Зная, кто куда пойдет, что сделает. Что с кем случится в следующую секунду. Какая участь ждет этого человека или того. Или у него есть дела поинтереснее да поважнее? За всем ведь не уследишь. Да и зачем? Какое ему вообще дело до нас, букашек? Копошимся себе. А может, у него в небесной канцелярии сидит целый штат персонала по связям с общественностью? Тогда в отделе «грешники» наверняка постоянно толчется куча народу – так-так-та-ак, а что тут у вас, порочная мысль, кража? Убили, ограбили, сманили жену? Сколько бы вам за них дать? Или лучше сразу в печь его, другим в назидание! – следующий! И хрясь печать в уведомление...

А существует ли Бог? И если он все-таки есть, чем он занимался, когда у него отняли семью? Позволили маньяку выкрасть малолетнюю дочь прямо из школы, зарыть ее в самодельный гроб, а потом наведаться к нему домой и спокойно зарезать жену, которую он, пораньше вернувшись с работы, обнаружил в подвале рядом со стиральной машиной, пиликавшей о том, что белье давным-давно постирано. Глаза, смотрящие в пустоту из-под налипшей на исцарапанный лоб спутанной челки, которые он запомнил на всю оставшуюся жизнь. И багровую нитку крови, еще теплой, ленивой, густой соленой каплей ползущей на скулу, оставляя за собой жирный багровый след. Слепой, всепоглощающий, лишавший дыхания, оглушающий ужас от свершившегося не позволил ему даже допустить самой мысли – насиловали ли ее. Дениел боялся об этом думать, сквозь сплошной соленый туман, застилавший глаза, неуверенными, пьяными от горя и растерянности движениями онемевших пальцев пытаясь вернуть на место изодранные лоскуты ее тоненьких джинсов, густо измазанных красным. Не хотел. Не верил. Обрывками помнил лишь, как через несколько дней, в пьяном безумии рвал на проклятые клочки полученное от адвоката заключение судмедэкспертов. И еще ее кожа, губы, такие мягкие, знакомые, теплые, с легким привкусом цветочных духов, которые он подарил накануне, в день годовщины. Запах, который на всю жизнь отпечатался в мозгу беспощадным привкусом смерти. Он знал, что те, кто это сделал, ушли недавно, незадолго до его прихода, но все равно продолжал плакать, баюкая на руках безвольно повисшее тело жены, с руками, раскинутыми, словно крылья у подстреленной птицы.

Вот и сегодня все было так. Все *будет* так. Обычный, будничный день, наполненный рутиной и хлопотами. Черта, под которой с такой равнодушной легкостью расписались все, чьи имена и фамилии сейчас были перечеркнуты в его списке. Люди, в чьих руках и власти было все изменить. Незримо подправить, пустив жизнь в привычное русло. Но нет. Они все просто спустили на тормозах, не удосужившись разобраться, кто прав или виноват. Все, кроме двоих, последних в списке.

Сегодня вечером придет и твоя очередь, Смит. Сегодня.

Погруженный в воспоминания, Дениел невидящим взглядом смотрел на улицу за витриной. Мужик у переключившегося светофора на другой стороне, тот, что размахивал телефонной трубкой в коробке из-под холодильника с надписью «Грядет тот день, который тебе еще припомнят!», повернулся спиной, получая милостыню от прохожего. С задней стороны коробки было косо намалевано слово «Сейчас!».

Может быть, действительно, сейчас, – подумал Дениел и, отогнув манжет рубашки, глянул на циферблат электронных часов, где размеренно отсчитывал бегущие цифры подсвеченный синим секундомер. – Нет. Рано.

Чуть сдвинув сложенную газету, на первой полосе которой пестрел снимок с места бандитской разборки, случившейся накануне (снова повезло – он в кадр попасть не успел), Дениел украдкой посмотрел на предмет, лежащий под ней на столике. Жидкокристаллический экран

моргнул от легкого прикосновения, выдав поверх нескольких колонок убористого текста изображение лица голубоглазой девчушки, обрамленного смешными кудряшками, увенчанными бантом.

– Прости, милая. Знаю, тебе бы не понравилось, – осторожно погладив кончиком пальца экран, пробормотал Дениел. – Но мне уже поздно сдавать назад. Я должен это сделать. Ради тебя и мамы. Это не ваша война.

Все участники грядущих событий, до которых оставалось меньше пятнадцати минут, находились на своих местах, перемещаясь по перекрестку, словно актеры за кулисами перед выступлением. Куда-то торопились, с кем-то спорили. Жили. Только бездомная женщина в вислых лохмотьях, с наполненной мятыми пивными банками и еще каким-то барахлом тележкой из супермаркета, к которой была привязана виляющая хвостом длинномордая собака, возилась что-то особенно долго. Как раз рядом с тонированным «Доджем Стентоном», стоявшим чуть поодаль, на другой стороне улицы. Так, чтобы его можно было видеть с места, где устроился Дениел, сильно не вертя при этом головой. Интересно, он закрыл машину? Хотя какая теперь разница. Оружие у него с собой, а необходимый инвентарь в салоне бомжихе явно без надобности. Хотя его можно при желании загнать или обменять на пару бутылок. Бедственное жизненное положение вкупе с фантастическим желанием не работать пробуждает в этом саранчой расплзающемся по стране контингенте – мнимой головной боли правительства – порой мистическую изобретательность.

Пока все шло по плану, и можно спокойно покончить с едой. Кто знает, когда еще удастся нормально перекусить. Ему нужно есть. Пока еще нужно – давая пищу желудку, которую он будет аккумулировать в энергию, необходимую телу. Взяв ложечку, Дениел скovyрнул с тарелки кусочек от оставшегося пирога и, отправив его в рот, стал аккуратно жевать, стараясь успокоиться от внезапно нахлынувших чувств, снова переключив внимание на тучу. Теперь она была ближе, закрывая собой полнеба, над плоскими крышами домов. Иссиня-черная, клубящаяся, сочащаяся электричеством и неиссякаемыми потоками шелестящей по асфальту воды. Представив себе эту картину, Дениел зябко повел плечами. Как же это не вовремя. А ведь он проверял сводку погоды. Меньше всего в предстоящем деле ему улыбалась перспектива намокнуть, да и резина у полуразвалившегося, арендованного на один раз «Доджа» была не ах. И так отвалил за него четыреста баксов, хотя триста – судя по внешнему виду развалюхи – красная цена. А если будет погоня, что тогда?

Дениелу неожиданно совершенно расхотелось выходить из кафе. Неизвестно, как во всем штате, но пирог и вправду был вкусным, а кругом тепло и уютно. Да и кофе неплох. Вкус и уют напоминали о доме, в который он уже никогда не вернется. И вообще, он уже слишком сильно устал. Слишком сильно. В дальнем углу хрипловатыми голосами Джарвиса и Манкимена тихо блюзовал старинный музыкальный автомат, от которого, наконец, отлепилась официантка – и народу в зале – никого.

*Немножко блюза, старина,
немножко блюза,
Вот на распутье ты стоишь,
пуста твоя мошна.
Истоптан путь, и катит вниз
последняя слеза...*

Как по заказу, честное слово. Только мошна его как раз вот-вот наполнится доверху. Остался последний рывок. Словно прочитав его невеселые мысли, с улицы отдаленно пророкотало, будто потревожили огромного небесного пса, и единственный посетитель, уткнувшись носом в тарелку, покорно вздохнул. Природа брала свое.

– И не надейтесь.

– Простите? – Выходя из задумчивости, Дениел растерянно моргнул, повернувшись к застывшей над ним пожилой официантке, державшей в руке запотевший стеклянный чайник, в котором размеренно колыхался наваристый черный кофе, и, спохватившись, как можно непринужденнее надвинул газету на мигнувший экран, вошедший в режим ожидания.

– Говорю, и не надейтесь. Ливанет так, что мало не покажется, – обрадованная тем, что привлекла внимание единственного посетителя в этот «безрыбный» утренний час, женщина кивнула пухлым подбородком за витрину. – С самой ночи собирается, уж поверьте моей спине. Весь день насмарку. А вы и зонтик-то небось не взяли. Ничего, можете переждать тут. Я еще кофе заварила.

– Все в порядке, я на машине. Не стоит беспокоиться.

– Опять ты за свое, Джесс, – заметив, что официантка прервала перемещение по залу, откликнулся темнокожий усатый мужчина (по всей видимости, муж), возившийся с фыркающим кофейным аппаратом за стойкой, в белом фартуке поверх клетчатой рубашки с эмблемой «Чикаго Буллз». – Думаешь, всем просто до усрачки не терпится услышать последние новости о твоей многострадальной спине? Дай парню поесть спокойно, чего ты к нему прицепилась. Извините ее, мистер. Ливанет и ливанет, какая тебе-то разница. По мне, хоть град со снегом – здесь и так работы полно.

– А ты не гунди там, ишь моду взял, – не глядя, отмахнувшись женщина, подбоченившись свободной рукой. – На дружков своих за шашками ори. Вот ведь пристал. Не видишь, мы разговариваем? Ну, дорогуша, как тебе пирог?

– Спасибо, вкусный, – искренне похвалил Дениел, посмотрев в сторону стойки, над которой висели часы, и, скосив глаз на бейдж на фартуке женщины, прибавил: – Джесс.

Восемь минут. Банки по субботам закрывались ровно в полдень – остается надеяться, что Первый Иллинойский не исключение. Пора. И зачем он похвалил еду? Хотел сделать приятное? Для чего? Через несколько мгновений этой женщине будет уже глубоко наплевать на погоду, спину и пришлась ли по вкусу принесенная ею еда случайно заскочившему поутру посетителю. По чьей лихой прихоти линии вероятности скрестились именно в этой кафешке, на перекрестке всего в двух кварталах от Маркет и Второй? Судьба? Случай? Хотя он давно уже не верил ни в то, ни в другое. Он вообще ни во что не верил, давным-давно привыкнув полагаться лишь на себя.

– Лучший во всем штате, – та не без гордости отчеканила, видимо, обязательную присказку и, понизив голос, прибавила, чем слегка сбила эффект (если бы Дениел не успел попробовать пирог до этого сообщения, он наверняка бы ограничился только чашкой кофе. Мать не умела готовить, и он всегда немного настороженно относился к домашней выпечке, но Джесс явно справлялась): – Я сама пекла. По фирменному рецепту, от бабки мне достался. Если захочется добавки, дорогуша, только попроси. Ой... ну вот. Глянь-ка, полилось.

Официантка со вздохом поджала густо покрашенные пухлые губы, и Дениел обернулся. Небо быстро темнело. В отдалении снова пророкотала надвигающаяся на город гроза. На стекло витрины снаружи упало несколько косых капель, которые поползли вниз по трафарету с названием, как это делает вода на этикетках бутылок в рекламах пива. Прохожий на улице притормозил, посмотрев на небо, и ускорил шаг.

– Спасибо, – допив кофе, Дениел полез во внутренний карман куртки за бумажником. – Но мне, пожалуй, пора. Сколько с меня?

– Сейчас пробью, дорогуша, – официантка направилась в сторону кассы, на ходу беззлобно переругиваясь с продолжавшим ворчать мужем.

Расплатившись, Дениел сгреб со стола газету и завернутый в нее предмет, направляясь к выходу.

– Заходите еще, – пригласил протирающий стойку мужчина. – Назавтра в меню моцарелла. Любите моцареллу?

– Я проездом, – обернувшись, Дениел на мгновение задержался в дверях, пропуская двух девушек-японок с шурушащими наушниками плееров на прилизанных розово-синих головах. Бросил взгляд на циферблат часов над стойкой. Они входили за три минуты до истечения основного времени. Ну, что же ты, брат? Вперед, вперед!

– Ну и что, что проездом? – Лукаво смотрящая из-под больших выпуклых очков темно-кожая Джесс, с чуть подкрашенной копной серебристых завитушек, ему явно понравилась.

Жаль. Но этого он не может изменить. Не должен. А ведь можно было запросто отослать ее в магазин напротив или намекнуть вынести мусор – придумать любой, пусть самый нелепый предлог, чтобы вывести ее и ворчливого мужа отсюда.

– Мы-то никуда не денемся, – ставя чайник с кофе на стойку, весело подмигнула утреннему посетителю женщина.

Да. Все должно быть как есть, и вмешиваться нельзя. Время ведь как бабочка. Спугнешь – и не поймашь ничего. Кроме воздуха, который с глухим шлепком отзовется в запоздало сомкнувшихся ладонях. Как бы ни старался.

– Буду иметь в виду, – поборов внезапный порыв, Дениел улыбнулся и закрыл за собой дверь, над которой тоненько звякнул колокольчик. Дорогу переходил наискосок, на ходу надевая перчатки и не дожидаясь разрешающего сигнала светофора. Накрапывало все сильнее, и люди на улице торопились, не обращая на нарушителя никакого внимания. Со щелчками раскрывались зонты.

Дался ему этот перекресток. С отделением Первого Иллинойсского на Стейт-стрит все выходило в сто раз жирнее. Но это через месяц, гораздо более накладно, и вдобавок там тяжело ранят ребенка и положат девятерых полицейских, а это уже чересчур – все должно развиваться согласно плану.

Дениел обошел машину, чтобы его не было видно из кафе, открыл дверь и, пригнувшись, забрался на заднее сиденье «Доджа». Или стоило подождать до воскресного утра, когда сити-моллы и бессчетные забегаловки делают перерасчет и скидывают выручку на банковских курьеров и инкассаторов? Нет, ждать больше нельзя. Он *не мог* больше ждать. Перегнувшись на водительское сиденье, Дениел завел машину. Достал из бардачка маску-респиратор с обзорным моностеклом и заранее поменянным фильтром. Натянул ее на голову как раз вовремя – с западного перекрестка послышался заунывный сигнал приближающейся полицейской машины. Начинается. Да, он должен был находиться именно здесь.

Дениел улегся на заднем сиденье, расслабленно сложил руки с зажатыми в них шашками с газом на животе, закрыл глаза и стал мысленно считать в обратку, от нуля до пятнадцати. А закончив, не открывая глаз, тихо скомандовал:

– Ковш.

* * *

В кабине инкассаторского броневика стояла невероятная духота. Остро пахло потом, ментоловым табаком и оружейной смазкой. Нудно бубнило радио. Старенький пластмассовый вентилятор изо всех сил с жужжанием перемалывал удушливый воздух рядом с приклеенной на торпеду пятнистой фигуркой Скуби-Ду, покачивающей улыбающейся мордахой на пружинке в такт движению.

– Глянь-ка, опять затягивает, – охранник-водитель приналег грудью в бронежилете на руль и посмотрел на темнеющее небо, когда броневик, эскортируемый едущим впереди полицейским джипом, остановился на светофоре. Лобовое стекло косо расчертили первые капли

дождя, и водитель включил дворники, со скрипом размазавшие город в бесформенное неоновое пятно. – Что за лето такое.

– Сплошной отстой, – поддержал устроившийся рядом, жующий жвачку напарник, в больших зеркальных очках, у которого на коленях лежало помповое ружье. – До кучи осталось только продуть четвертьфинал.

– Не каркай. И так паршиво. Дочь гуляет с каким-то козлом, жена последний месяц вообще оборзела – пилит и пилит, и до пенсии как до луны. Погода вон еще. А мы в выходной нагибаться должны, хоть бы свехурочных накинули, – водитель переключил передачу, продолжая движение за полицейской машиной по зеленому сигналу светофора к следующему перекрестку, над которым возвышался желтый «Катерпиллер» с огромным ковшом экскаватора. – А эта, пипетка... Прикинь, что вчера отмочила – папа, я татушку хочу! Да не где-нибудь, а вот здесь.

Приподнявшись и убрав руку с руля, водитель ткнул себя пальцем-сарделькой в объемистый зад.

– Полный набор неудачника, старик, как в кино прям, – сочувственно усмехнулся напарник, поправляя на коленях ружье. – А может, она уже ее набила? Проверь-ка на досуге. Мы для них давно не авторитет.

– Точно. Это все комиксы и Эм-Ти-Ви. Последние мозги засрали.

– У меня-то хоть малец подрастает. А у тебя две девицы – жуть!

– На баб вечно не хватает только двух вещей – зла и денег. Только ныть и умеют: папа се, милый то... Тьфу! Попробовали бы, как я, понагибаться, – фыркнул в ответ водитель и, не отрываясь от дороги, кивнул на перегородку за спиной. – Кстати, много там?

– Пара лямов, может, больше, не уточнял. Наше дело довести. А что, решил лапы погреть? Тут много не навоюешь, старик, это тебе не Вегас.

– Да и я не Элвис.

Охранники дружно рассмеялись. Часть улицы, огороженная «зебрами» с оранжевыми мигалками, на которой сутились рабочие в ярких жилетках, приближалась.

– Вон, опять что-то разрыли. Кроты, м-мать.

– Во-во. Ремонтникам только дай волю в грязи покопаться. Делать народу нечего. Льют из пустого в порожнее, а потом мы все разводим руками и дружно удивляемся, куда это налоги текут. Прибавь-ка, – напарник поторопил водителя, увидев, как на приближающемся перекрестке замигали светофоры, сигнализируя о скором прекращении движения. – Успеем проскочить, а то так и до обеда ехать можно. Я жрать хочу.

– Что сегодня, «Тако» или полковник Сандерс? – напарник выжал сцепление, переключая передачу резиновым набалдашником на длинной ножке.

– Не, слишком острое. Надо язву пожалеть.

– Я бы пару чизбургеров перехватил. Или лапши.

– Можно в «Вокер», у них вроде буррито ничего.

– Ага. Наваристые, с подливкой и тефтельками, – водитель мечтательно улыбнулся, сощурив пороссячи глазки. – Да и недалеко там, в паре кварталов всего. Ммм, аж в животе урчит.

– Так посигналь ему!

Броневик несколько раз сиплю прогугукал. Водитель впереди смекнул – подгоняемый джип, включив красно-синие мигалки и коротко подвыв, обогнул замешкавшееся такси с испугавшимся арабом за рулем и быстрее покати к перекрестку.

– Давай-давай-давай! Под желтый как раз успеем, – азартно подгонял напрягшийся на пассажирском сиденье охранник, когда инкассатор на скорости пересек улицу перед самым капотом клюнувшего носом школьного автобуса. – Вот и отлично, а то плелись, как...

Спереди взвизгнули тормоза, и удар экскаваторного ковша «Катерпиллера», крутанувшегося на башне с чудовищной силой, обрушился на едуший перед броневиком джип, отбрасывая его в брызнувшую осколками витрину кафе-пиццерии.

– Твою мать! – заорал водитель, инстинктивно кидая инкассатор в противоположную сторону. Тяжелая машина, вильнув, на полном ходу ухнула в огороженную яму посреди улицы и, взбрыкнув задом с вхолостую вращающимися колесами, заглохла, извергнув из-под капота густые клубы пронзительно шипящего дыма. Переодетые рабочие засуетились, доставая оружие. В задние двери инкассатора тут же вцепился снова крутанувшийся на башне экскаваторный ковш. Сверху раскатисто гроыхнуло, и небо обрушилось на улицу шуршащей пеленой ледяного дождя.

* * *

Услышав грохот и звон стекла, по-прежнему не открывающий глаз Дениел выждал на сиденье еще пару секунд.

– Пули.

С улицы донеслись обрывки коротких команд. Хлопнули выстрелы, и несколько стальных пчел с резким хрустом пробили стекло «Доджа» со стороны водителя, пройдя салон по касательной навывлет.

– Дети.

Тумцанье бумбокса, резко захлебнувшись, стихло на низкой ноте, послышался чей-то крик.

– Мяч.

О крыло «Доджа» что-то стукнуло, и Дениел выскочил из машины, отработанными движениями срывая с газовых шашек звякнувшие кольца. Одну – в сторону экскаватора, ковшом сорвавшего заднюю дверь инкассатора. Ослепить водителя в кабине, бросившего рычаги и снимающего с предохранителя китайский «инграм». Вторую – в парней у броневика, лишь бы докинуть – ядовитый снаряд, расплескивающий вокруг себя густые клубы дыма, несколько раз перевернувшись в воздухе, с шипением упал в гущу перекрикивающихся людей, суетящихся у развороченных дверей инкассатора. За основной оболочкой кузова их ждал дополнительный встроенный сейф из титанового сплава. Налетчики не зевали. Готовились три месяца, напряжены, суетливы, матерятся по-арабски. Ничего, братья. Нам по пути, но не сейчас. Оружие, спешно вытаскиваемое ими из пакетов, спрятанных в отсеке тарахтящего строительного генератора, тут же открывало стрельбу по окровавленным копам, выбиравшимся из-под покореженного джипа, застрявшего в витрине кафе.

Прыгнув за руль «Доджа», Дениел развернул завизжавшую резиной машину, разбрасывающую колпаки с колес, задом подгоняя ее к броневiku, насколько позволяла перерытая улица. По корпусу ударило еще несколько пуль. *Давай же, давай!* – торопил Дениел шашку с газом. – *Действуй!* Затормозив и рванув рычажок, открывавший багажник, снова вывалился на улицу.

Мир, отзывающийся криками, воем сирен и гомоном испуганных, объятых внезапным ужасом людей, обволакивал быстро идущего Дениела, словно он перемещался в замедленной съемке. Под ногами мелькнула перепуганная собака, которую истошно звала бросившая тележку бомжиха.

Сбоку грохнуло помповое ружье, в клубящемся дыму мелькнул мужской силуэт в черной скорлупе бронежилета. Один из рабочих-налетчиков упал, неуклюже всплеснув руками. С его головы сорвало каску. Заливалась лаем напуганная собака.

– Шашки, экскаватор, сейф. Шашки, экскаватор, сейф... – сбившееся дыхание змеиным шипением отдавалось в висках. Стекло быстро запотевало.

– Аха-ха-ха-ха! Иисус услышал меня-я-я! – подставив облепленное мокрыми волосами лицо ливню и запрокинув руки, словно сумасшедший, счастливо орал возвышающийся посреди хаоса мужик в коробке из-под холодильника. – День наста-ал!

– ...экскаватор, сейф...

Выхватив травматический пистолет, Дениел действовал сосредоточенно и быстро, не концентрируясь на деталях, а стараясь удержать всю картину улицы целиком – хотя давно знал цепочку событий практически наизусть. Стрелял только по ногам. Мир за куском пластмассы, о который колотили капли дождя, выглядел как репортажная хроника, снятая с ручной камеры. Пронзительно визжали девушки-японки в кафе-пиццерии, которых посеколо осколками от развороченной полицейским джипом витрины – прямо на том месте, где несколько минут назад завтракал Дениел. Елозя на четвереньках, одна тянула за рукав другую, из-за шока не понимая, что пытается вытащить подругу за сломанную руку, неестественно болтавшуюся в полосатом рукаве окровавленной кофточки.

Улицу сотряс новый взрыв – приближающийся к броневику Дениел оступился, почувствовав, как под ногами содрогнулся асфальт. Из кузова инкассатора повалил густой черный дым, следом в наполненный клубящимися газами и ливнем воздух выпорхнуло несколько кружащихся зеленых банкнот. Захлебывающиеся удушливым газом, разъедавшим глаза, корчившиеся на дороге налетчики, не ожидавшие нападения с тыла, успели подорвать сейф пластиком – самое сложное позади – ему оставалось лишь покидать в «Додж» мешки и поскорее убраться, пока к полицейским не подоспело подкрепление.

Кто-то выстрелил, и Дениел припал на ногу, брызнувшую кровью выше колена. Его заметили, черт! Не зевать, не зевать, не зевать! Вскинув руку, он наугад несколько раз выстрелил в застилавшее улицу марево, не целясь. Ответной пальбы не последовало.

К броневику, быстрее. Вытягиваемый из салона дым, летя навстречу, извивающимися пушистыми щупальцами обволакивал обзорное стекло. Опершись на колено нераненной ноги и подтянувшись на руках, Дениел подался в салон, быстро нащупывая за повисшей на одной петле дверью вмонтированного в корпус броневика внутреннего сейфа запечатанные мешки с кубами плотно подогнанных друг к другу спрессованных пачек. Игнорируя боль, быстрыми движениями стал перетаскивать их из инкассатора в багажник «Доджа». Первый, второй, еще четыре... да сколько же их, господи. А сколько ему было нужно, сколько еще осталось? Немного. Он прекрасно знал цену черте, которую собирался переступить. Вдалеке, быстро приближаясь, завывала сирена. Без паники, все точно по расписанию – это был последний налет, и он должен успеть захватить как можно больше.

За «Катерпиллером», в кабине которого скрючился навалившийся на рычаги мертвый водитель, визжа тормозами, остановилась первая полицейская машина. Из салона выскочили двое и, засев за дверями, нацелили на инкассатор стволы.

– Руки за голову! Лечь на землю! – Над улицей загремел искаженный мегафоном голос.

Игнорируя предупреждение и вытащив последнюю шашку – дымовую, Дениел швырнул ее в сторону экскаватора и, подхватив оставшиеся два мешка, припадая на ногу, торопливо заковылял к машине. Захлопнув багажник и рухнув на водительское сиденье, он резко рванул «Додж» с места. Позади раздалась канонада выстрелов, и заднее стекло автомобиля взорвалось тучей осколков. Дениел что есть мочи вдавил педаль газа и выкрутил руль, бросая визжащую машину за угол и выводя ее из зоны обстрела.

Это был последний раз. Самый последний.

По простреленной ноге полоснула резкая боль, и, с трудом вписавшись в оживленное уличное движение, Дениел согнулся, не выпуская руля, только сейчас в полной мере ощутив, как он устал. Устал скрываться, грабить. Устал все делать один. Ничего, осталось еще немножко потерпеть. Совсем чуть-чуть. Осталась пара небольших штрихов, и с нервотрепкой покончено.

Настал черед самого ржавого и маленького винтика.
Смита.

* * *

Разгрузив машину на складе в одном из заброшенных ангаров в доках, служивших ему временным пристанищем все последние месяцы, Дениел как мог, наскоро обработал рану, благо пуля прошла навывлет, повредив мягкие ткани, перебинтовал ногу, воспользовавшись припасенной как раз на такой случай аптечкой, переоделся и снова направился в город, подкарауливать Смита у выхода из офисов в Централ. Встав за одной из колонн поближе ко входу, Дениел следил за людьми на сырой улице, прятавшимися под колпаками зонтов, которые разноцветными пятнами городского калейдоскопа сновали туда-сюда. Наблюдая за улицей, он краем глаза зацепил витрину газетного киоска – с момента ограбления прошло уже достаточно часов, хотя вряд ли еще напечатали. Да и ничего нового для него газетчики там придумать уже не смогут. Дениел поднял глаза на бронзовую фигуру засиженного голубями орла, раскинувшего над стеклянными дверями холла крылья, сжимавшего в когтях выпуклый циферблат круглых часов. Рабочий день закончился полчаса назад, и мимо караулившего Дениела проскользнула добрая половина сотрудников, спешащих по домам или скоротать вечерок за стаканчиком, которых он за последние дни слежки успел более-менее запомнить в лицо. Внутреннее напряжение росло с каждой новой проходящей минутой. А если он сегодня не явился на работу, что тогда? Ломиться к нему на квартиру ни в коем случае нельзя, так как это наверняка серьезно повредит линию вероятности и сдаст его самого с потрохами. Черт!

Смит вышел последним. Настороженной, крадущейся походкой выглядывающего из норки зверька. Зализанный, с крысиной мордочкой, не умеющий носить хоть и дорогуший, но мешком висящий на долговязой, неуклюжей фигуре офисного планктона костюм. В руке чемодан, под мышкой газета. Вовремя заметивший появившуюся на пороге цель, Дениел успел попятиться за колонну, отметив про себя, что бывший университетский приятель заметно постарел и осунулся. Так тебе и надо, крыса. Это еще цветочки! Миновав кружащиеся двери холла, Смит потоптался на улице и, облизнув тонкие губы, вскинул руку, с облегчением бросаясь наперерез катящему вдоль обочины такси. Открыв дверь и занеся в салон ногу, он открыл было рот, собираясь назвать адрес, но подавился на полуслове, ощутив, как под левую лопатку пиджака ткнулся короткий пистолетный ствол.

– Держись, убью, – глухо предупредили сзади.

– Ты? – Удивление получилось фальшивым. Смит его явно ждал, наверняка боялся и вздрагивал при каждом шорохе все последние несколько дней, зная, что Дениел придет за ним. Зная, что он *последний*.

– Закрой дверь и отпусти машину. Идем.

– Что ты задумал? Постой, – бессвязно забормотал Смит, послушно переставляя неуклюжими длинными ногами, пока Дениел, стараясь не светить пистолет, волок его от покотившего дальше по улице такси к «Доджу».

* * *

Это была последняя ночь в «штаб-квартире», и пленника можно было привезти сюда. К тому же еще оставалось хоть как-то замести следы и вдобавок избавиться от машины. Конечно, эти предосторожности, может, и остановят копов, но вряд ли тех, кто придет за ними следом. Но отсрочка у него есть. Ему надо уехать на парочку дней из города, переговорить кое с кем, а за это время ищи-свищи. Может, и поуляжется.

– Сворачиваешься? Я погляжу, ты времени зря не терял, – шмыгнул носом привязанный к офисному стулу на колесиках Смит, наблюдая за Дениелом, который в сторонке возился с нагромождением банок со строительной краской. Под глазом клерка набухал багровый синяк. Из разбитой нижней губы, стекая по подбородку, на рубашку капала кровь. Смит облизнулся, морщась от боли. – Давно не виделись... друг.

У него сильно стучало в висках, и Смит не помнил дорогу сюда. Память отзывалась обрывками. Что это, ангар? Склад? Заброшенный съемочный павильон? Редкие крики чаек, долетавшие откуда-то снаружи, и натужный скрип дерева под полом напомнили еще кое о чем. Доки. Ехали долго. Выходит, Дениел его чем-то усыпил по дороге. Глаза слезились, и неприятно щипало ноздри. Во рту стоял солоновато-металлический привкус крови. Одна рука пленника была крепко привязана изолентой к подлокотнику кресла, так что посинела затекшая кисть, другая – к спинке за спиной. Смит мысленно выругался – расчет был точным, его связали так, чтобы он не мог дотянуться до правой руки.

– Друг? Друг?! – Отбросив ведро с густо выплеснувшейся на край стены краской, Дениел подскочил к стулу с привязанным Смитом и, схватившись за подлокотники, посмотрел тому в глаза. – Тогда скажи мне, *друг*, где ты был, когда убивали мою жену?! Изнасиловали, а потом зарезали, позволив тому чудовищу похоронить нашу дочь заживо, а? Тебя спрашиваю! Где ты был? Отвечай! Когда ты продался? Сколько они тебе предложили? Кто больше?

Ногой оттолкнув от себя откатившийся стул, под которым захрустело битое темно-синее стекло, Дениел сорвал крышку с очередного ведра краски и резкими движениями стал снова обливать стену, напротив которой сидел Смит. Увидев, что замазывает его похититель, пленник почувствовал, как задрожали колени.

– Черт, Ден, да ты окончательно съехал, мать твою, – разбитыми губами пробормотал Смит, с тревогой и удивлением наблюдая за его действиями. Черт! Ах, если бы он мог только дотянуться до привязанной за спиной правой руки. Смит скосил взгляд влево, где на стене в красном пожарном ящике среди прочего инвентаря висел колун на длинной деревянной ручке. Не дотянуться, не достать, не пошевелиться! Ловко же он его обездвигил. Треклятый сукин сын! – Какого черта ты делаешь? Это же не серьезно, да? Тебе нужно успокоиться, спустить пары. Давай рванем, прошвырнемся, раздавим пару пива и все обмозгуем как следует, цепанем девок, наконец. А? Что скажешь? Ты и я, как в старые добрые времена. Смотри на меня, я с тобой разговариваю! Ты! Чертов псих!

Отбросив последнее пустое ведро, откатившееся в угол ангара, Дениел отошел от стены, внимательно оглядывая перемешанные брызги и пятна краски, пачкающие поверхность от пола до потолка – словно огромную картину безумного авангардиста.

– Ты забыл про Братика, – не оборачиваясь, Дениел удовлетворенно кивнул и, подойдя к пожарному ящику, открыл его, сняв с креплений колун. Покачал в руках, пробуя вес. – Трое навсегда.

– Про Братика? А, про Братика, – испуганно замямлил Смит, вжав голову в плечи, когда Дениел пошел в его сторону, закинув топор на плечо, словно дровосек. – Я не знал. Я честно ничего про него не знал. Богом клянусь.

– Новый офис на двадцать втором этаже и сразу же неисправный лифт – странное совпадение, не находишь? В наши дни «отисы» просто так и сыплются с неба, прогнозов не напа-сешься, – не обращая внимания на пленника, Дениел прошел мимо и стал методично крушить вытянутые ультрафиолетовые светильники, установленные на равном удалении друг от друга на треножных штативах вдоль стен всего помещения.

– В конторе есть пара толковых ребят-мозгоправов, они тебе помогут. Мало ли, с каждым бывает. Ну, перенервничал, перепил, – беспомощно вертя головой, Смит пытался поймать взглядом находящегося позади Дениела, вздрагивая при каждом звоне бьющегося стекла. – Только остановись, ты же не хочешь наломать дров, а? Ведь не хочешь. Ден... Дениел?

Резко наступившая тишина оглушила до смерти перепуганного пленника. Он несколько раз дернул головой из стороны в сторону, прислушиваясь, словно суслик, высунувшийся из норы.

– Дениел, ты где?

Упершись кончиками испачканных известкой туфель, под которыми захрустело стекло, в пол, он мелко засучил ногами, пытаясь развернуться – натужно сопящий, изо всех сил воевавший со стулом, связанный в нелепой позе Смит напоминал мистера Бина, угодившего в очередную комическую переделку. Но пленнику сейчас было плевать даже на разорванный пиджак от «Барбери». Страх, животный, атавистический ужас предчувствия неотвратимо надвигающейся смерти пробирал его до мозга костей.

За спиной никого не было. Только разбросанные тут и там покореженные арматуры штативов и россыпи темно-синего и фиолетового стекла на бетонном полу, словно на поляне незабудок.

– Дениел, – упавшим голосом, скатившимся в шепот, растерянно мельтеша глазами, пробормотал Смит, чувствуя, как по щекам бежит ледяной пот. – Дениел, ты где...

– Не проспи будущее, друг. Так, кажется?

Смит вскрикнул и дернулся от неожиданности, почувствовав прикосновение к привязанной за спинкой стула руке, у которой успели онеметь пальцы.

– Ты ведь не думаешь, что я совсем идиот и не догадался, что ты применишь его, чтобы сделать ноги?

– О чем ты? Это безделушка, не более.

– Значит, ты опять беспомощен? Как и в тот раз, когда я просил тебя спасти мою семью?

– Зачем мне врать тебе, Ден? Я же офисный работник, мое дело бумажки перебирать, ты ведь знаешь.

– Ты спрашиваешь, зачем тебе мне врать? Ха-ха-ха! Да это вопрос на миллион долларов, старина! – Засмеялись сзади, и от этого внезапного и неожиданного звука Смит похолодел. – Давай-ка проверим?

– Запаса этой штуки хватит максимум на восемь лет, – усмехнулся Смит. – Ты прекрасно знаешь, что тебе нужно гораздо больше.

– Знаю, *друг мой*. Знаю, – пленник с ужасом ощутил кожей прикосновение холодной стали в районе запястья.

– Вот что. Думаешь забрать? – взвизгнул он, теряя остатки самообладания от того, что Дениел за весь разговор впервые обратился к нему по имени. – Ну так возьми. Давай! Все равно они тебя выследят. А найдут – кокнут, ты сам прекрасно знаешь. Ты напал на меня, пытал, подвергнул насилию сотрудника конторы, да они от тебя даже волоска не оставят.

– Восемьдесят пятый, – немного помедлив, глухо отозвались сзади. – И кто сказал, что мне нужен именно ты. Нет, Смит. Ты всего лишь маленький винтик. Крохотный и ржавый. Я собираюсь копать поглубже. Намного глубже.

– Постой, так это все из-за семьи? Из-за всех тех убийств и похищений детей тогда, да? Из-за жены и дочери?

– Заткнись, или я отрежу тебе язык! – Резким движением Дениел развернул пленника лицом к себе. – Какое ты имеешь право вспоминать о них!

– Язык, – усмехнувшись разбитыми губами, Смит сплюнул на бетон кровавый сгусток. – Бери глубже. Ты один. Неподготовлен и слаб. Вдобавок ранен. Ну, есть пара бирюлек, это что, арсенал? Они найдут тебя, а когда прижмут к стенке, вырвут сердце и протаскают как шоу по всем каналам в прайм-тайм, где ты будешь умирать вновь и вновь в бесконечных повторках под хруст кукурузы и борьбу за рейтинги. Приятного аппетита! В этой стране это любят. Кому ты что хочешь тут доказать? Справедливость? Честь? Этому стаду? Они плевали и растерли! Это мир варваров, Ден. Он не наш с тобой, очнись! Неужели ты так ничего и не понял? Изменить

можно все: свергать царей и возносить императоров, плавить горы в желе, изобрести чертово бессмертие, наконец. И как ты этим правом воспользовался – превратился в простого налетчика, бомбилу вне закона? Тьфу! Ты живое тому доказательство, Ден, человека нельзя изменить. Нельзя перебить всех этих сраных тараканов в наших чертовых башках, мать твою! Слышишь меня?

– Это часть плана. Уже поздно что-то менять.

– Все-таки ты сумасшедший сукин сын! Надо было тебя грохнуть, как предлагало начальство!

– Предпочитаешь пулю или, может быть, топор? – Присев на корточки, Дениел положил на пол пожарный колун и стал рыться в раскрытом ящике с инструментами, стоявшем тут же. – Вы сами меня таким сделали, думаешь, я этого хотел?

– Это нарушение протокола, твою мать! Что ты творишь? Опомнись! Мертвецам безразлична месть, Дениел!

– Мне нет, – ответил Дениел, замахиваясь топором.

В это мгновение Смит преобразился. От недавнего испуганного и жалкого человека не осталось и следа, на смену ему пришел тренированный оперативник. Вскочив на ноги, словно разжавшаяся стальная пружина, Смит отпрыгнул в сторону. Дениел, не успевший остановить замаха, со всей силы ударил лезвием топора по бетонному полу, выбив сноп искр.

Пленник, не теряя ни секунды, на полусогнутых ногах бросился к выходу. Но Дениел не спешил бросаться в погоню, с улыбкой закинув топор на плечо.

– Ты зря стараешься, приятель. Дверь закрыта, а ключ у меня, – Дениел демонстративно похлопал себя по нагрудному карману. – Так что не пытайся убежать, только вспотеешь перед смертью!

Но Смит не слушал похитителя, отчаянно пытаясь выставить железную дверь, бросаясь на нее всем телом. После нескольких безрезультатных попыток оперативник судорожно огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на щитке пожарной сигнализации, где за стеклом, покрытым красной краской, притаилась выпуклая кнопка с надписью «FIRE». Дениел сразу же понял замысел Смита, но было поздно.

– Ааааа! – взревев подобно раненому льву, оперативник с разбегу ударил головой в щиток. Брызнули осколки стекла, противно завывла сирена.

– Тварь! – Дениел подбежал к сползающему по стене Смигу и с силой ударил его ногой в спину. Раздался противный хруст, тело оперативника мешком рухнуло на пол. Перевернув Смита лицом к себе, Дениел с ненавистью посмотрел в стекленеющие глаза оперативника. – Жаль, что я не убью тебя медленно, как я планировал с самого начала.

Смит не ответил, жизнь уже покидала его тело.

Дениел посмотрел на часы, у него оставалось всего несколько минут, прежде чем сюда приедут пожарные. Но он был готов к подобному повороту событий и давно запасся дюжиной галлонов бензина.

* * *

Дениел стоял на пирсе и сверху вниз неподвижно смотрел на медленно тонущий в бурлящих водах озера Мичиган «Додж Стентон», включенные фары которого делали его похожим на глубоководный батискаф океанской экспедиции. Словно вместе со старым автомобилем, ставшим могилой для Смита, исчезала вся его прошлая жизнь. Еще один сожженный мост. Наверное, так оно и было. Смит вынудил отойти от первоначального плана, закрасить стену и спокойно уйти, оставив пустующий ангар пылиться без дела. Нужно было срочно уничтожить все улики. И пожар стал идеальным прикрытием.

Окружные коронеры, которых через несколько часов наверняка вызовут «порыбачить», спишут случившееся на очередную бандитскую разборку. А *они*? Что ж, пусть воспримут это как вызов. Такой и подобает быть могиле убийцы и предателя, провожаемого в преисподнюю визгливыми криками чаек, кружащихся над водой белыми пятнами, словно души былых утопленников, принимающих к себе собрата. Холодной и безымянной.

– Холодной и безымянной, – вслух повторил Дениел.

А какой будет могила для него самого? Что выведут на безликой плите, каких сотни на грейслендском кладбище: убийца, маньяк, враг народа? И выделяют ли ему могилу? Не станет ли его пристанищем отхожая выгребная яма, коей удостаивали безымянные трупы висельников, отдававших обжигающих объятий петли? Никакого «От любящей Лизы» – теперь-то о нем уже некому позаботиться. Его жена давным-давно спит, а дочь... О дочери Дениел старался не думать. Что ж, значит, таков чей-то жребий. Пускай это будет головной болью кого-нибудь другого.

Есть и второй вариант, не умирать и продолжать жить, терпеливо ожидая, пока этот кошмар закончится. Идти до конца, пока не сотрутся подошвы. А может, Смит, в конечном итоге, был прав. Дочку ведь уже не вернешь.

– Видишь, как все повернулось, милая.

Наконец, над задним бампером тонущей машины с тихим плеском, похожим на хлопок, сомкнулись черные своды озера, и стоящий на пирсе Дениел разжал кулак, посмотрев на перстень, который снял с пальца Смита. Теперь уже мертвеца Смита – еще одно зачеркнутое имя в длинном списке должников. Они все заплатили, вернув ему долг. Почти все. Осталось только отрубить гидре голову. Развернув листок, Дениел щелкнул крышкой серебристой «Зиппо» с косой гравировкой «От Смитти и Братика. Не проспи будущее, друг! Выпуск 1981 года», и, почиркав кресалом, смотрел, как бумагу стремительно пожирает мятущееся на ветру пламя. Потом он разжал пальцы, и остатки листа развеялись в воздухе облачком черной пыли.

Захлопнув крышку и повертев в руке, Дениел выбросил зажигалку, постаравшись закинуть ее как можно дальше. Помедлив, аккуратно надел перстень на безымянный палец правой руки, ощутив, как кожу кольнуло и внутри прибора тихонько пискнуло. Размяв фаланги, Дениел посмотрел на тонкую полоску алеющего горизонта над озером. Наступал новый день, и впереди было много работы.

– Прощай, Лиз. Может, еще увидимся.

Подняв воротник куртки и засунув руки в карманы, человек на пирсе, не оглядываясь, прихрамывая, быстро пошел назад. Через несколько минут побережье озера вновь выглядело безмятежным и нетронутым, каким было пару часов назад. Шелестели галькой прибрежные волны, а над ними, кружа, беспокойно кричали чайки.

Гроза закончилась. Буря только начиналась.

Глава вторая

*Плесни немного, бармен,
Налей еще чуть-чуть.
Пусть твердым будет взгляд пред Богом,
Иду в последний путь.
И конь-то мой весь в мыле,
Судьба заложена.
Подкинул я монету, увидев жизнь с торца.
Джарвис и Манкимен.
«Плач висельника»*

На углу Шестнадцатой и улицы Прачек, куда, осторожно скользя по асфальту, словно пугливые уличные коты, забирались первые оранжевые лучи восходящего солнца, на маленькой колченогой табуретке сидел человек. Пожилой бородатый музыкант лет пятидесяти. Черное как смоль лицо, с надвинутой на кустистые брови шляпой, обрамляла белоснежная кудрявая борода, будто мужик только что намазался густым кремом для бритья, да вот незадача – побриться забыл. На нем была старая военная куртка времен Вьетнама, с выцветшими нашивками названия войск и номером подразделения, один рукав которой пустовал и был глубоко заправлен в карман. Короткие клетчатые брючки едва доставали до щиколоток на худых ногах, которые поочередно отбивали ритм об еще сырой после дождя асфальт стоптанными подошвами старых незашнурованных ботинок. Мужик, чьи глаза прятались за огромными черными очками, мусолил в губах старенькую гармонику, выводя незамысловатый мотив и изредка подпевая сам себе. Он пел восхитительно. Пел о боге, мире и войне, Иисусе и крови, о слишком коротковатой юбке малышки Долли, о первых лучах солнца и той радости, что наступило новое утро, которое Господь показал ему, позволив еще раз проснуться. Старый человек пел, и ему было хорошо.

Было рано, витрины магазинов еще опущены, не выползли неторопливые поливальные машины, орошающие улицы фонтанами воды, в которых резвилась галдящая детвора, а школьные автобусы не развезли на учебу детей постарше, но старый Бо Дидди был уже на своем ежедневном посту. Скрипящее соло гармоники гулко металось между наседаящими над медленно прогревающейся улицей коробами домов. Толстая Латифа, работавшая маникюршей в салоне за углом, по обыкновению высунувшись из окна и скрестив руки на необъятной груди, облокотилась на подоконник, покачивая в такт музыке подбородком, и ветерок шевелил ее многочисленные косички. Кативший мимо патрульный Джэф коротко просигналил, и, на мгновение прервав мелодию, одинокий музыкант поднял руку, просалютовав гармошкой. Потом выдержал паузу, облизнул губы и снова запел, морща покрытые кудрявым волосом щеки. Это был свой, привычный, размеренный мир, который неожиданно тепло принял переведенную в Чикаго Кейт в ряды своих обитателей. В первый вечер живущая сразу под ней Латифа даже испекла пирог.

За пару дней, что она провела в городе, направленная в Иллинойсский отдел конторы, Кейт пообвыклась просыпаться под музыку старого Бо. Простые, незамысловатые песенки напоминали ей о пластинках, которые в детстве ей давал слушать отец.

*Маленький бельчонок,
Пора тебе в кровать,
Завтра день ведь долог,
И нужно отдыхать...*

Почувствовав, что задыхается, Кейт села на кровати, сбрасывая с себя липкую простыню. Покрытое испариной тело противно знобило. Девушка зябко растерла дрожащие плечи. Потерянно оглядев пустую половину на смятой кровати рядом с собой, она поджала ноги и, уткнув в колени подбородок, запустила пальцы в налипшую на лоб челку.

– Господи, когда же это кончится? – тихим голосом жалобно спросила она сумеречную пустоту, нашаривая на тумбочке возле кровати пузатую баночку с таблетками. – Сколько еще можно терпеть?

Не надо было прекращать их пить. Но как же ей надоела вся эта терапия, этот проклятый курс, с силой навязанный психотерапевтом, который за отдельную сумму кое-как согласился не упоминать об этом в ее личном деле. Еще не хватало. Девушка чувствовала себя как последняя наркоманка. Надо успокоиться и попробовать еще хоть чуточку поспать. Разжевав горькую клейкую массу, Кейт снова легла, свернувшись под одеялом, и не заметила, как забылась. Было еще слишком рано, а музыка за окном успокаивала и баюкала.

Сон был приятный и напомнил дом. Или это просто вновь действовали проклятые таблетки? Ей приснилась рыбалка с отцом, на которую они смотались незадолго до перевода. И она, наконец, впервые побывала в Канаде.

«Разрешенное время осетровой рыбалки – с 15 июня до 31 октября, количество выловленной рыбы – 1 штука в день» – гласило предупреждение на широкой табличке при въезде в речной заповедник.

Залитая багрянцем река Фрейзер образовывала самый большой бассейн в канадской Британской Колумбии, площадью в двести двадцать тысяч квадратных километров. Спокойная, безмятежная тишина изредка нарушалась отдаленным всплеском рыбы да хриплым кряканьем возившихся в траве не то уток, не то гусей. Воздух звенел стрекотом просыпающихся ночных насекомых. Как же хорошо всего через полтора часа езды от Ванкувера было оказаться за пределами города, наедине с природой. Дышалось легко и непринужденно, рядом был возившийся с удочками отец, и выходные продолжались.

Она валяла дурака, много купалась и даже успела обгореть. Впрочем, так всегда бывает, когда находишься рядом с водой. Ранним утром, пока отец еще спал, Кейт выходила на каменистый берег и, скидывая безразмерную мужскую рубашку с белоснежного «speedo», некоторое время стояла по щиколотку в ледяной воде, ощущая, как от обжигающих прикосновений ледяного течения по телу бегут мурашки и упруго твердеют соски. Она пару раз даже окунулась нагишом, скинув купальник, но на второй день ее заметил патрулирующий берег лесничий, и на вопросительный оклик хулиганка с русалочьим смешком стремительно ушла под воду, прежде чем мужчина успел опомниться. Хорошо отцу не сказал. Да он и не видел-то толком ничего.

А еще тогда она поймала свою первую рыбу. Взмывающий над поверхностью воды силуэт осетра был хорошо виден – даже в самую темную ночь речная гладь остается светлее окружающей среды.

– Видела? – азартно вскрикнул отец, когда рыба, на короткий миг давая себя разглядеть, сверкнула чешуей и с глухим шлепком ушла обратно на глубину. – Здоровенный! Не меньше пяти-шести килограммов!

Она научилась правильно обращаться с удочкой и держать ее – жесткое спиннинговое удилище с катушкой и прочной леской, на конце которой крепилась донная оснастка. Аккуратно подматывая леску, Кейт осторожно добивалась ответной реакции осетра, который, очнувшись от удивления, начинал упорную борьбу за жизнь. Пока она воевала с удочкой, отец вбежал в воду и стал вытаскивать пойманную рыбу на берег чем придется.

Вечером они сидели в коттедже на берегу, и отец рассказывал разные истории про осетров. Например, о том, что промышленный лов этой рыбы в Канаде запрещен, а мяса и икры в продаже не бывает.

– А еще в свое время весьма ценился воздушный пузырь осетра, как источник желатина, использовавшегося при очистке пива и вина.

– Фу-у, папа-а! И люди это пили?

– Еще бы. Это был самый лучший фильтр. А вот, кстати, ты когда-нибудь знала, что...

Забравшись с ногами в глубокое кресло и потягивая какао, Кейт с улыбкой слушала отца, прихлебывавшего бутылочный «Миллер», и в ее карих глазах отражались языки пламени, которые весело плясали в камине. Оба понимали, что это последний вечер. Их последний спокойный вечер перед ее отъездом. Отец шутил, но от волнения, как это всегда бывало, говорил только о том, что знал лучше всего после автомобильной механики, которой зарабатывал на жизнь, – о рыбалке. Она слушала и не перебивала, хотя сама хотела поговорить о другом – о детстве, маме, том времени, что они провели вместе. А еще она знала, что внутри он не хочет ее отпускать.

Потом они молчали, думая каждый о своем и слушая, как в камине уютно потрескивают догорающие поленья. Как же быстро выходные закончились. Прошло всего несколько дней, а она уже по нему соскучилась. Даже запах пропал. Резкий запах рыбы, насквозь пропитавший одежду и даже купальник, казалось, въелся в самые кости. Словно Кейт последние дни была не в заповедных лесах Канады, а разгружала кильку где-нибудь в портовой зоне Нью-Джерси.

Заелозивший под подушкой мобильник вырвал девушку из воспоминаний, сразу вернулась головная боль – несколько новых соседей устроили ей накануне теплый прием. Вдобавок вновь напомнивший о себе кошмар пробежался по сердцу липкими прикосновениями страха, хотя до этого Кейт спокойно спала целую неделю. Ее личный рекорд. Это все алкоголь, не надо было вчера уступать.

– А чего ты ожидала, девочка. Ты ведь совсем не умеешь пить, – почти не разжимая губ, пробормотала она, нащупывая под подушкой настойчиво вибрирующий телефон. – Алло, говорите... Эй? Ну что там еще?

– Кейт? Привет, это Муни, – по-привычному коротко представившись, зазвучал в динамике хрипловатый голос итальянца. – Спишь?

– Попробуй угадать, – сонно пробормотала девушка, откинув волосы, и, подслеповато поглядев на часы, зевнула. – Такая рань, что случилось?

– Везуха, а я уже третий час на ногах, – с ноткой зависти откликнулись в трубке. – Чую, если так и дальше будет продолжаться, придется серьезно поразмыслить о поиске нового способа зарабатывать на законный кусок. Тут у нас сущий дурдом творится.

– Рада за вас. Слушай, если у тебя ничего серьезного, но охота потрепаться, перезвони через пару часиков, хорошо?

– Есть новости.

– Тогда не тяни, – поторопила девушка.

– Сначала плохую или хорошую? – словно издеваясь, растягивал динамик в телефоне.

– Давай хорошую.

– Синиз подписал бумаги на твой новый ствол, так что сегодня можешь в конторе получить, там уже народ в курсе. – Не услышав ответной реакции, помолчавший Муни коротко ответил кому-то не в телефон и продолжал: – Короче. Похоже, от вчерашней грозы у народа мозги совсем поехали. Тут один парень решил искупаться поутру в озере, но сделал это вместе с машиной. Этим придуркам кажется, что это лучшее решение всех проблем. Только выгребать почему-то вечно приходится таким парням, как я. Что за жизнь, скажи мне?

– Так выпиши ему штраф. И вообще, при чем тут мы?

– Кейт, у меня здесь Уинстон Смит – ты его не знаешь, он из местных наших. Из *наших*, усекла?

– Ну? – сонно нахмурилась девушка.

– Так вот, он сидел за рулем мертвее мертвого в задраенной машине без номеров на дне озера возле 16-го пирса и любовался дном. Едва остывший, как пирожок из пекарни. Ребята говорят, приблизительно четыре-пять часов. Машину местный рыбак увидел, ее немного севернее снесло, и она там задницей клюнула. И это явно не от долгов и несчастной любви, хотя черт его знает.

– А марка машины? В угоне числится?

– Да вроде нет, металлолом на колесах, нынешние бомбилы на такое даже косо не взглянут. «Додж Стентон», восемьдесят шестого. У моего старика был такой, пока он его окончательно не угробил. Ребята из управы сейчас повторно его пробивают. Я про другое. Тут, в общем-то, есть кое-что по нашей части. Думаю, замочили его в другом месте, а потом усадили за руль, чтобы выглядело как самоубийство. Хотя на кой черт самоубийце творить такое с собой... Короче, тебе стоит взглянуть, пока не нагрязнул Синиз, при нем особо не пораспинаешься. Это касается *руки*. Паташик уже здесь.

– Синиз будет? – удивилась Кейт. Что могло быть такого в убийстве, чтобы вытащить из постели самого шефа, которому, по слухам, было уже хорошо за пятьдесят, в воскресенье с утра пораньше. – А что с рукой?

– Слушай, я и так уже наболтал больше положенного. Я вижу то, что вижу, и ты теперь знаешь не больше моего.

– Так скажи Паташику, пусть просканирует перстень.

– Вот это самое интересное. Перстня нет, Кейт.

– Как нет? Там же пароль. Он ведь снимается с руки только владельцем или нашей техникой.

– В том-то и штука, сестренка, – голос в трубке стал глуше, словно Муни заслонил рот рукой. – У нас тут ни перстня, ни *руки*.

– А что медики? – Кейт почувствовала, как по спине под узенькой маечкой пробежал холодок, отгоняя последние остатки сна.

– Халаты постоянно кому-то отзваниваются, а мне ни слова. Ненавижу, когда начальство знает больше нашего, – словно прочитав ее мысли, хрипло огрызнулся Муни. – А они там все вечно себе на уме.

В трубке раздался приглушенный плевок, и послышалось несколько коротких ругательств. Отпрыск итальянских иммигрантов, хлебнувший лиха на улицах Бронкса и до службы в полиции, а потом уже и в конторе занимавшийся боксом, Муни не изменял некоторым своим привычкам, наработанным в частых дворовых потасовках с местной шпаной.

– Иногда я вообще не понимаю, что он там себе думает, а? Кто я ему, ищейка-Пинкертон? Комиссар Рекс? Почему хоть раз просто не сказать: «Муни, я тут совсем замотался и просто не увидел, какой ты на самом деле хороший мужик. Я благодарен тебе за то, что ты разгребаешь за меня все это паршивое дерьмо, пойдём-ка, я знаю отличный кабак, где можно неплохо пропустить по стаканчику», – распалился в трубке итальянец, и тут его кто-то снова позвал. – Короче, я устал распинаться, приезжай, пока медгруппа не отчалила. Погоди минуту... Сэм! Паташик! Эй, Паташик! Продублируй у них файл с пальчиками! И проследи, чтобы не смазали. Еще не хватало потом по моргам до ночи мотаться. Алло, Кейт! Ты слушаешь?

– Погоди, сейчас ручку возьму, – поморщившись от нового приступа головной боли, Кейт потянулась к лежащему на тумбочке блокноту. – Адрес давай.

– Чего? – не понял Муни. – А... Еще не привык, что ты у нас новенькая. Записывай. Кстати, захвати фэбээровское удостоверение.

– Зачем?

– Потому что по удостоверению ветсаннадзора за оцепление ты просто так не пройдешь.

Сев на кровати и заправив за ухо кудрявую прядку светлых волос, Кейт посмотрела в противоположный конец полупустой комнаты, где один на другой были сложены картонные ящики, помеченные маркером.

– А я говорил вчера – не налегай. Кукурузная водка та еще гадость, если не знаешь, как правильно пить, – понимающе усмехнулись в трубке. – Приезжай. У меня в бардачке аспирин. И аккуратнее за рулем, тут у нас по утрам, как видишь, психов полно.

– Скоро буду, – снова взглянув на часы, пообещала девушка. – Только в порядок себя приведу.

– О'кей. Жду.

Нажав «отбой», Кейт откинулась на кровать, разметав по простыне волосы, и со стоном запустила подушкой в нагромождение ящиков, слушая, как на улице продолжал заливаться импровизирующий Бо. Сегодня же воскресенье! Вот ведь везет мужику. Сиди себе на лавочке целый день, грейся на солнышке, распевай да играй на гармошке, глядишь, уже вечер, да и в кармане кое-что нет-нет да и звякнет. Но завидовать одинокому музыканту на самом деле было не в чем – бывший ветеран Вьетнама, потерявший руку, не нашедший нормальной работы, всеми брошенный и никому не нужный, ютился в подвале дома, куда переехала Кейт, в компании колченогого пса по кличке Гувер. Но старого Бо все любили и периодически пускали к себе переночевать, а чаще всего просто подсовывали «в лапу» чего-нибудь пожевать. Вслушиваясь в блюзовый мотив за окном, девушка вздохнула. Прав был папа, любивший повторять, что каждому в жизни свое.

Кто бы знал, как ей не хотелось сейчас вставать. Но дело действительно плохо. Мертвый агент – это очень и очень плохо. Хорошо еще, если это просто рядовое убийство на почве ограбления. Ну, приглянулся мужичок кому-нибудь на улице, напали, пока отнимали деньги, увидели перстень, не смогли снять и отрубили руку. Девушку передернуло, обычной перочинной «раскладушкой», которой орудует всякая мелкая шушера в подземках, такого не сотворить. Нужно что-то посерьезнее, вроде топорика или тесака, которым мясники рубят кости. Но все равно, выходило как-то уж больно жестоко. А потом? Грабители, испугавшись, усадили Смита, умершего от болевого шока или, что вероятнее, от потери крови, в машину и столкнули в воду. Как-то сложно.

Хуже всего было, если это какой-нибудь маньяк-одиночка, действовавший сознательно и по заранее разработанному плану. Жертва, которой стал именно их агент, пропавший перстень, слишком много совпадений для простого и случайного ограбления. Скорее всего, от машины просто хотели избавиться за компанию.

Значит, надо было скорее выезжать. К тому же откосы от работы под предлогом переезда плюсовых очков не прибавят. Синиз и так накинул ей пару дней, чтобы обжиться, а она еще так и не разобралась. Зато теперь есть оружие, с которым, по обыкновению, даже не стали затягивать. Интересно, что ей выдадут? Откинув одеяло и свесив ноги вниз, она потянулась и дернула за шнурок, поднимающий жалюзи. В небольшую комнату мягко полился тусклый оранжевый свет. Хочешь не хочешь – новый день начался. С улицы донесся гул автомобилей и обрывок разговора. Жирно пахло пережаренной картошкой из кухни фастфуда за углом. Где-то хлопнула дверь, и негромко задребезжал кассетный магнитофон, повизгивая в такт голосом Принца.

Зевнув, Кейт заправила майку в потертые джинсы, натянув их на розовое кружево трусиков, и взяла с тумбочки пластиковую баночку, стоявшую рядом с листком, на котором был бегло записан адрес, надиктованный Муни. Откинув крышечку, встряса на ладонь две оранжевые пилюли, которые тихо ненавидела все эти годы, но без которых давать отпор все чаще обрушивающимся приступам страха становилось труднее, и, сунув их в рот, проглотила, запрокинув голову. Отцу о вновь начавшихся приступах она не сказала, у него и так забот хватает. А ей на новом месте и в новой компании, глядишь, полегче будет.

– Что ж, добро пожаловать, – вздохнув, она поздравила сама себя.

Шлепая босыми ногами по прохладному ламинату, который она обязательно застелет ковром, присмотренным накануне в каталоге «Поттери Барн», Кейт начала собираться, шустро копаясь в распакованной коробке с пометкой «одежда – работа». В конце концов, она же не патрульный, чтобы каждый день щеголять свежей формой с иголки. Можно надеть что-нибудь попроще. Но где-то внутри Кейт чувствовала, как ее по-прежнему донимают легкие покалывания совести, закравшиеся сразу после беседы с Муни. Это ее первые дни на новом месте и в новой команде, поэтому все должно быть ну если и не идеально, то хотя бы отлично! Из зеркала над умывальником на нее посмотрело узкое отражение молодого лица с большими глазами. Изящные губы, нижняя чуть полнее. Кокетливая родинка на левой щеке, тонкий нос и легкий росчерк бровей над обманчиво наивным взглядом, все это только добавляло особого очарования и делало Кейт всегда несколько моложе своих реальных лет. Ну и сколько уже все это на своем месте? Страшно подумать.

– Что, навалилось всего, да? – Тряхнув рассыпавшимися по острым плечам волосами и выдавив колбаску пасты из скрученного тюбика «Колгейта», девушка почистила зубы. Покрытые густым канадским загаром плечи наконец-то перестали чесаться, но еще чуть-чуть шелушились, напоминая о последних беспечных мгновениях отпуска. Вернувшись в комнату, Кейт поискала в коробках крем и быстрыми движениями натерла им кожу выше локтей. Каникулы кончились.

Потратив еще двадцать минут на сборы, девушка засунула банку с таблетками в карман (выходить без них из дома было равносильно самоубийству, она и сама это понимала где-то в глубине души, хотя внешне отчаянно сопротивлялась), накинула крутку и подошла к холодильнику, на дверце которого пестрело несколько разноцветных самоклеек, самые яркие из которых были помечены как «Квартплата», «Документы», «Оружие», и еще несколько бумажек рядом с набросанными косым почерком телефонными номерами. Сорвав памятку с подписью «Оружие», Кейт смяла ее в комок, который ловко забросила в мусорный пакет у двери. Затем распахнула дохнувший холодом холодильник, и поморгавший внутри свет осветил красную кочерыжку сладкого перца, пакет подтаявших замороженных овощей и полупустую бутылку молока. На верхней полке в картонном поддоне красовался треугольный кусок слоеного торта с вишенкой на стебле, которая венчала опавшие сливки. Покачав головой, девушка захлопнула холодильник.

– Неряха. Когда же я за все это возьмусь, – глянув на мусорный пакет, заполненный коробками из-под лапши и одноразовой посудой, буркнула Кейт. – Ладно, сегодня ограничимся кофе.

Выйдя из квартиры, она закрыла за собой дверь.

* * *

Рассвело. На волнующейся поверхности озера покачивался полицейский катер, над которым, крича, низко летали чайки, привлеченные мерцанием разноцветных мигалок. Лебедка натужно шла на барабан, медленно вытягивая из черной воды опутанный водорослями «Додж Стентон» с подвернутым передним колесом, с которого ручьями стекала вода. Часам к десяти разгулявшееся было небо снова стало затягивать, и суесящиеся на берегу, у пирса, люди плотнее застегнули крутки. То и дело слышались отрывистые команды и разговоры, потрескивали рации. Подрагивали на ветру натянутые по периметру, образуя неровный прямоугольник, заградительные ленты с дублированной надписью «Место преступления, не пересекать». Возле «Скорых» мелькали медики, суетились полицейские, из озера выбирались стягивающие маски аквалангисты. Коротко подвыли еще несколько подъехавших полицейских машин. Двигаясь по

берегу, несколько медиков толкали перед собой носилки, на которых лежало обмякшее тело, накрытое белым чехлом.

Остановив машину неподалеку от заграждения, Кейт подхватила с торпеды закрытый крышкой еще теплый стакан с недопитым кофе и протиснулась сквозь небольшое скопление зевак и репортеров, пытавшихся пожить хотя самым скудным клочком информации и с завистью следивших за сновавшими по оцепленной территории полицейскими фотоаппаратами. Гнетущей атмосферы утру добавила первая поездка Кейт по улицам Чикаго. Немного заплутавшая девушка неожиданно обнаружила, что едет мимо череды пустых кварталов, в которых никого не было. То есть *вообще* никого. Справа и слева тянулись магазинчики, витрины кафе, подъезды домов с наглухо затворенными дверями, но ни одной живой души высмотреть девушке так и не удалось. На мгновение Кейт даже захотелось остановить машину и заглянуть в ближайший то ли тату-салон, то ли видеопрокат, с давно выцветшей вывеской в виде тарантула, привлеченной ярким пятном, выбивающимся из общей картины унылого запустения. На закрытой стеклянной двери было криво наклеено пестрое плакат, зазывающий на концерт «U2» в Бостоне. Девушка медленно затормозила прямо на перекрестке с неработающими светофорами и нерешительно потянулась к ремню безопасности. Но только на секунду.

«Еще чего придумаешь? – одернула она себя, встретившись с отражением в зеркале заднего вида, и упрямо тряхнула челкой. – Уйдешь и не вернешься. Двигай-ка куда хотела, девочка».

Бросив последний взгляд на фотографию хитро улыбающегося из-под очков Боно, Кейт вставила обратно в пазы щелкнувшую пряжку ремня безопасности и поехала дальше, ощущая при этом упорно не покидающее чувство одиночества. Возвышающиеся над дорогой стены домов молчаливо провожали одинокий автомобиль неприветливыми провалами пустых окон. Бетонные коробки гулко отражали рокот двигателя и шуршание шин. Ни птиц, ни бездомных собак, ничего. Город-призрак. Как в вестернах. Словно во время оккупации, когда, гонимые пожаром войны, насельники только-только покинули город, а войска противника еще не вошли. В новом веке не только в Америке, но и на всей планете еще оставалось великое множество подобных мест, брошенных по крайней нужде или прихоти человека. Кейт ощутила противный мороз и, вцепившись в руль, прибавила газу, стараясь как можно скорее покинуть мрачный район-призрак.

И вот, изредка поглядывая на часы, через некоторое время от призраков городских она прикатила к призракам человеческим. Час от часу не легче. Сунув жетон под нос дежурившему у заграждения долговязому полицейскому, Кейт нырнула под приподнятую им желтую ленту.

Под ботинками направившейся к воде девушки захрустела влажная прибрежная галька. Налетевший с озера ветер терпко пах йодом и прелыми водорослями. Кейт оглядела прибрежную полосу воды и глубоко вздохнула. Ну почему гниlostный привкус смерти всегда сопровождает такие красивые места. Отличное место, чтобы бегать по утрам, жаль от дома далеко. Она поехала, вспомнив пересеченный только что город-призрак, на досуге нужно будет повнимательнее изучить дорожную карту. Хотя в ближайшие дни ей, судя по всему, будет совсем не до праздных мероприятий. И спортивный костюм не распакован. Впрочем, как и все остальное. Чего такого привлекательного в одинокой жизни находят кичащиеся своей независимостью холостяки? Кроме свободного секса, конечно. Мужчинам всегда легче разрывать мимолетные связи и закручивать новые. Совсем рядом что-то резко прошипела рация, вырывая Кейт из раздумий. Девушка одернула куртку и прибавила шаг – пора начинать работать.

Беседовавшего с низеньким полноватым мужиком в спортивном костюме и кепке – по всей видимости, тем самым рыбаком, обнаружившим машину, – Френка Муни допивающая кофе Кейт заметила сразу. Это был невысокий, крепко сбитый человек средних лет, с короткой стрижкой и сломанным носом, вечно опущенные уголки губ которого и хитрый прищур делали его похожим на немолодого Де Ниро. На нем был кожаный длинный полупиджак поверх

голубой рубашки, джинсы и остроносые туфли из крокодиловой кожи (которые достались ему в результате проигранного спора от одного беглого индейца из Небраски, как при их первом знакомстве стал невозмутимо утверждать сам Муни). Оглядев нового напарника, который был заметно потрепан, и воевавшего с какими-то разноцветными кабелями, тянувшимися из стоящей рядом конторской машины, Сэма Паташика, взъерошенного бородатого человека в больших очках, всем видом напоминавшего преподавателя с какого-нибудь факультета из «Эм-Ай-Ти», Кейт поняла, что ребята действительно на ногах спозаранку. Смерть приходит, когда ей вздумается, и не дожидается специального приглашения. За редкими исключениями.

– Так, давайте-ка еще раз все повторим. Привет, Кейт! – кивнув подошедшей девушке, Муни демонстративно поклонился пальцем и, устремив на собеседника в кепке цепкий прищуренный взгляд, зашелестел страницами исписанного блокнота, в котором делал какие-то пометки мелким, убористым почерком. – Значит, вы говорите, что заметили что-то в воде между шестью и семью часами утра?

– Примерно так, – пожал плечами рыбак, засунув руки в карманы застегнутой спортивной куртки. – Я сюда частенько порыбачить прихожу.

– Именно на это место? – перестав что-то черкать и указав на пирс ручкой, спросил собеседник.

– Ну, да, Шестнадцатый пирс. Что тут такого?

– Почему? – вопросительно поднял брови Муни, словно слышал эту историю в первый раз. – Тут же вдоль всего побережья полным-полно свободного места. Рыбачь где хочешь. В чем проблема?

– Я же вам уже говорил, – терпеливо отозвался рыбак, поправив кепку и потеряв переносицу пухлым указательным пальцем. – Клевало всегда хорошо. Да и прикормлено у меня тут. У каждого нормального рыбака такие вот свои специальные места есть. А сегодня только разложился да закинул – смотрю, чаек чего-то больно много. Да низко так ходят, кидаются, ну, думаю, порыбачил ты, старина, лучше некуда, без рыбы ведь вмиг оставят. Только собрался на другое место идти – чего, к слову сказать, делать очень не люблю, гляжу – кидаются-то они кидаются, да только в клювах ничего нет. Не достать им чего-то, я сразу понял. Присмотрелся я в том месте на воде и вижу – там что-то плоское, блестящее.

– А вы не обратили внимания, не было ли поблизости катера или лодки? – перелистнув страницу блокнота, спросил Муни. – На берегу никаких вещей не было? Может быть, одежда или что-то еще?

– Да вроде нет. Точно, не было. Я бы запомнил.

– Продолжайте-продолжайте.

– Вот. Я еще посидел, подождал. Интересно же, что там такое. И когда отлив в силу вошел, гляжу, Матерь Божья, это же автомобиль! – Рыбак запнулся, когда Муни неожиданно нервно хохотнул, что-то перечеркивая в блокноте.

– Не обращайтесь внимания. Ну-ну?

– Ну, я как повнимательнее разобрал, что к чему, сразу вам и позвонил.

– Хорошо. Спасибо за содействие, – Муни закрыл блокнот и, засунув его в карман пиджака, похлопал рыбака по плечу. – Возможно, вы еще нам понадобится, что-нибудь уточнить. Ничего серьезного, пара вопросов для протокола, не стоит беспокоиться. Просто не уезжайте пока никуда из города, хорошо?

– О'кей, договорились. Звоните, если что, мэм.

– Ну, что? Еще новости есть? – спросила Кейт, провожая взглядом перебравшегося под заградительной лентой рыбака, садящегося на велосипед с пустой корзинкой из супермаркета на багажнике и привязанной к раме удочкой. Да уж, наловил себе мужик спозаранку проблем.

– Да ничего хорошего.

– Синиз не приехал? Мне бы оружие получить.

– Пока нет, слава богу, – шмыгнул носом Муни и достал из нагрудного кармана пиджака начатый блистер с таблетками аспирина. – Угощайся. Но имей в виду, у нас тут с алкоголем строго.

– Да это я вчера момент прозевала. Сама виновата.

– Чую, от этой заварушки нам еще всем по шее достанется. Куча проблем и никаких решений. Как добралась, машину нормальную дали?

– Спасибо, вроде едет. Осваиваюсь потихоньку. Но без навигатора пока туговато.

– Привыкнешь, – кивнул напарник, засунув руки в карманы пиджака. – С Чикаго ведь как – он либо тебя сразу принимает, либо огребаешь пинком под зад. Этот город уже давно себе на уме, и фундамента у него нет. Только корни, которыми он вцепился в землю и саму историю. Вот разгребемся, устрою тебе пару экскурсий с достопримечательностями и хот-догами.

– Договорились!

– Короче, кроме этого мужика, тут больше никто и ничего не видел, – снова вернулся к делу Муни, когда они, не торопясь, пошли вдоль берега к «Доджу», который уже успели опустить на землю. – Ни мотива, ни зацепок, ничего. С машиной пока тоже. «Додж Стентон» восемьдесят шестого, та еще хренотень, арендована неизвестным мужского пола позавчера на авторазвале «Хардиш и Бэнгз».

– Так вот нам и зацепка, – оживилась Кейт. – Ездили туда?

– Ни фиги. Аренду оформляли через Интернет, а заказчик, кстати, представившийся иностранцем, попросил, чтобы машину оставили на улице неподалеку от развала, и он сам ее заберет. Так как приехал по важным делам и заканчивает поздно.

– Ну, хорошо, а электронный адрес, – не сдавалась девушка. – Кредитки, данные? Координаты компьютера, проверяли IP? Нельзя просто так выйти в Сеть и не наследить. Должно же было хоть что-то остаться. Хоть какой-нибудь след.

– Вообще ничего, Кейт, сам не врубаюсь! Заказ был оформлен с ноутбука, а где его нам искать? Попытались пробить магазин, а там вообще все концы в воду, – Муни развел руками, продолжая держать их в карманах расстегнутого пиджака. – Вот и думай теперь что хочешь. Вдобавок заднее сиденье и багажник перепачканы строительной краской, хотя на развале клянутся, что отдавали машину «с иголочки». Подлатали старушку, нечего сказать. Это за чей-реста баксов-то. Ха! Сразу видно, что парень не местный – да за такие деньги можно было не это корыто, а приличный «Крузер» достать. Там еще несколько пулевых отверстий на бампере и пара разбитых стекол. Одно со стороны водителя.

Возле испачканной илом и водорослями машины с подвернутым передним колесом суетились фотографы, работали баллистики, внимательно измеряя щелкающими рулетками разбросанные по корпусу пулевые отверстия. Обойдя «Додж», Муни надел перчатки и, протянув еще пару Кейт, с усилием распахнул переднюю пассажирскую дверь.

– Пусто, можете не смотреть, – не отвлекаясь от замеров, предупредил один из баллистиков. – Ни в багажнике, ни в бардачке – ничего, кроме автомобильной карты и пары салфеток. Когда ее топили, двигатель еще работал и были включены фары. Ребята-водолазы говорят, то еще зрелище. Настоящая машина-призрак с мертвецом-капитаном за рулем.

– Что с пулями? – Все-таки нагнувшись в салон, Муни оглядел лужу воды на коврике под сиденьем и разочарованно щелкнул по освежителю воздуха в виде елки, болтающемуся под зеркалом заднего вида. В салоне пахло водорослями и тинной. Сиденье водителя было кое-где испачкано бурыми пятнами крови. Заглянув в бардачок, итальянец вытащил разбухший путеводитель по дорогам Америки и перелистнул несколько плотно слипшихся страниц. Размякшая бумага лениво расползлась, оставляя на перчатках разноцветные комки. – Нашли что-нибудь?

– Боковые все навывлет, – баллистик пожал плечами, убирая в чемоданчик рулетку, и посторонился, давая обзор благодарно кивнувшему фотографу. – Пули pistolетные стандарт-

ного типа. Все выстрелы произведены с близкого расстояния. В багажнике была парочка, но это уже привет от наших, так сказать. Наш герой был явно не в ладах с полицией.

– Что думаешь, Кейт? – захлопнув дверь, Муни посмотрел на напарницу.

– В стекло со стороны водителя стреляли два раза, – обойдя «Додж», Кейт дотронулась до аккуратных отверстий в обрамлении трещинок. – При этом на теле, которое было обнаружено, нет огнестрельных ран. Да и зачем стрелять в человека, если он уже мертв, и вдобавок снаружи?

– Пока все логично. Ну и?

– Выходит, стреляли не в Смита, – продолжала задумчиво рассуждать Кейт, обходя машину по кругу, по пути ненадолго задержавшись у заднего бампера. – А в человека, который пользовался машиной до этого.

– В убийцу, – кивнул Муни.

– Но зачем? – встав, подняла брови девушка и посмотрела на напарника поверх автомобильной крыши.

– Ладно, ребята, спасибо. Есть предположение, что это та же машина, которую видели вчера во время утреннего налета на инкассатор, – продолжил рассказывать Муни, когда они пошли от машины в обратном направлении. – В общем, это то ли рядовое ограбление, в чем я очень сильно сомневаюсь, хотя все документы на месте, только кошелек нет, но зачем ради мелочовки целый спектакль городить; или попросту Смит кому-то серьезному на хвост наступил. Два пункта, которые меня совсем не радуют, – это рука и машина.

– Я уже думала об этом, – кивнула Кейт и помахала возящемуся у штабного фургона Паташику, который в ответ отсалютовал отверткой. – Расследовал что-нибудь серьезное? Офис проверяли?

– И да, и нет, – туманно ответив, Муни пожал плечами. – Там ничего нового. Уинстон Смит. Бывший оперативник, участвовал в парочке крупных дел, несколько операций. Последние годы сидел в резервном офисе на бумажной работе старшим аналитиком по отработанным линиям. Так, Тритон в царстве планктона, вроде ничего серьезного.

– А семья?

– Чего ты сейчас хочешь от зареванной вдовы и пары сопливых пацанов?

– Понятно. Что с телом? – Кейт поправила волосы, когда налетевший с озера ветер зашелестел в листве деревьев над ними. – Причина смерти ясна?

– Халаты велели подождать до результатов вскрытия. За исключением отсеченной руки, никаких внешних повреждений на теле не обнаружено. Хотя, с другой стороны, болевой шок или значительная потеря крови. Короче, тут надо ждать.

– Руку... нашли?

– Нет. Подводники тут все дно по камушку перебрали, вон флажками помечено, видишь? Оттуда и во-он до той гряды вроде течения подводные есть – они машину-то и потащили. За затопленный буй зацепилась, ее подтолкнуло и разворачивать стало. И больше ничего. То есть вообще ничего. Думаю, рука Смита осталась там, где его убили. Паташик говорит, на то, чтобы снять перстень и не повредить днк-пароль, нужно время и умение. Так что, если он кому-то и понадобился, он хорошенько попотел, прежде чем его снять. Но зачем? Кому его можно продать?

– Или кому-то из наших потребовалось срочно совершить несанкционированный прыжок. – Кейт остановилась и повернулась к Муни, посмотрев на него снизу вверх. – Но это прямое нарушение протокола. Кому потребовалось так рисковать?

А она симпатичная, черт возьми, – мысленно усмехнулся итальянец, глядя в ее глаза над поддурманными щеками, в обрамлении длинных волос. Пауза затянулась, Кейт терпеливо ждала ответа, чуть щурясь на ветру и приоткрыв невольно манящие губы. – *Потише, Френк, осадки коней, ты что это тут задумал, а, старый пес?*

– Френк, ты меня слышишь?

– Тот, кому больше нечего терять. Вот этого я боюсь больше всего. Сорвиголова, псих, фанатик, наемный убийца какой-нибудь. Засланный крот тоже не исключается. Еще не хватало ловить за руку своих же, – зачастив от смущения, Муни снова шмыгнул носом и, вытащив из кармана правую руку, посмотрел на свой перстень, затем перевел взгляд на темнеющее над озером небо. – Опять затягивает. Не погода, а гадость какая-то, на работе что ни день, то полный завал. Синиз вообще озверел, почуял парень приближение пенсии. Ну что за лето такое. Хоть бери и напивайся – и то нельзя, – фыркнул он и перехватил взгляд девушки, поверх его плеча посмотревшей на карету «Скорой», к которой подкатили носилки с телом. – Что-то долго они. Паташик вроде бы давно закончил. Хочешь взглянуть?

– А у меня есть выбор? – скорчила гримаску Кейт, запивая таблетку остатками кофе. – Да я и не завтракала еще. Так что без проблем!

– Перевели на мокруху, и сразу юморишь, – одобрительно улыбнулся Муни, вздернув лишь уголок рта. – А ты мне начинаешь нравиться, Кейт Либби. Нет ничего грустнее и отвратительнее, чем напарник-зануда.

– А тем более женщина, – парировала девушка, выкидывая стакан в торчащую из песка металлическую корзину, в которой шелестел на ветру черный мусорный пакет. – Это хотел сказать?

– Да брось, – отмахнулся итальянец, когда они развернулись и направились к «Скорой». – Никакого шовинизма. Я обычно в первую встречу людей насквозь вижу, ты отлично впишешься. Самое главное – это терпеть плоские шутки Паташика, но со временем привыкаешь. Он сам по себе парень-то ничего, но как только открывает рот, пиши пропало. Так что всегда нужно держать наготове парочку бургеров, поскольку это единственное, что способно хоть ненадолго его заткнуть. Парни, эй! Один момент! Вы не торопитесь? Отлично!

Носилки с телом Смита еще не погрузили, и они одиноко стояли возле открытых дверей «Скорой помощи», выделяясь на фоне гнетущей окружающей обстановки ярким белым пятном. Кейт замерла над простыней и украдкой сглотнула.

– Не хочешь, не смотри, – уловив ее движение, замер протянувший было руку Муни. – Все равно экспертизу скоро получим.

– Я готова, – на миг зажмурилась девушка, стиснув в кармане куртки банку с таблетками. – Можешь открывать.

– В конце концов, там недостает только руки, – с этими словами напарник откинул край пропитавшейся озерной водой простыни, открывая лежащее тело.

Кейт медленно выдохнула и открыла глаза. За те несколько часов, что тело Уинстона Смита провело под водой, мало что изменилось. По крайней мере, внешне. Черты иссиня-белого лица, в котором не было ни кровинки, заострились, щеки опали, над испачканным потускневшей кровью воротником рубашки выпирал острый кадык. Рваная рубашка, испачканный костюм – уже не человек, а безмолвная оболочка.словно манекен, у которого закончились батарейки. Кейт почувствовала легкий укол в сердце, эту часть работы она ненавидела больше всего. А сколько таких картин еще предстоит увидеть? Девушка собралась и, дыша ровнее, приступила к осмотру. Явных следов пыток или насилия, за исключением разбитой губы и синяка под глазом, на теле не присутствовало. Муни отодвинул простыню, открывая труп до половины. Правая рука мертвого Смита была аккуратно отсечена чуть ниже локтя вместе с рубашкой и пиджаком.

– Кто-то явно не церемонился, – кивнул Муни, перехватив ее взгляд.

– И торопился, – подошедший Паташик засунул отвертку в карман вельветового пиджака с заплатами на локтях. – Жаль. Этот костюмчик потянет на добрую половину моей скудной зарплаты. Привет, Кейт! Как добралась?

– Нормально, – пробормотала девушка, осматривая обрубок. – Сняли отпечатки?

– Все уже в лаборатории, – Паташик почесал бороду и поправил сползшие с орлиного носа очки. – А это топор.

– Что? – не поняла Кейт.

– Я говорю, это сделали топором, – перегнувшись через носилки, Паташик стал по-профессорски рассуждать, показывая приблизившимся напарникам ватной палочкой, которую держал рукой в хирургической перчатке. – Видите волокна, они совсем ровные, и кость раздроблена в одном месте. Если бы пилили, место среза осталось бы шероховатым, повторяя траекторию движения лезвия пилы. И была бы куча рваного мяса, ну, как в кино про маньяков. Короче, жуть кровавая! А тут будто руку просто отсекли ножницами. Ррраз! – и все. Как у куклы. У меня так дочка баловаться любит, жена уже замучилась пришивать. Забавно, правда?

– Очень.

– Мило, – Кейт переглянулась с Муни, стоявшим позади Паташика, который украдкой пожал плечами, мол, я же предупреждал насчет него. – Но почему, прежде чем рубить, с него не сняли одежду?

– Кто-то торопился. К тому же на рукавах и лацкане обнаружены обрывки скотча, из чего следует, что он был к чему-то привязан. Я уже отослал фрагменты на экспертизу. Думаю, это либо топор, либо колун, – продолжал делиться соображениями Паташик. – В любом случае это не пила или кусачки. Хватило всего одного удара.

– Можешь назвать причину смерти? – Муни посторонился, пропуская медиков, идущих к «Скорой». – Шок, кровотечение?

– Ну, я не судмедэксперт, – Паташик скромно потупил глаза, немного увеличенные диоптриями очков. – Тем более ребята сказали, что окончательный вердикт только после вскрытия.

– Хорошо, с этим мы разберемся позже, – Кейт отвернулась от Паташика и снова посмотрела на труп. – Что-нибудь еще интересного нашел?

– Да. Нам нужно посмотреть список выездов пожарных бригад этой ночью.

– Зачем?

– Затем, что в волосах у нашего любителя водных процедур я нашел вот это, – обедая напарников загадочным взглядом, Паташик с видом фокусника вытащил из нагрудного кармана пиджака прозрачный пакетик для сбора улики и поднял его перед собой так, чтобы приблизившиеся Кейт и Муни смогли как следует рассмотреть содержимое. – Але-оп!

– Ну, что это? – всмотревшись в тонкий пластик, пробормотал итальянец. – Похоже на обычное стекло. Может, при ударе он разбил головой одно из автомобильных окон?

– Нет, приятель, это стекло вообще не из машины, тут без вариантов, – заверил напарник.

– Но тогда откуда, скажи на милость?

– Вот это уже действительно интересный вопрос, – Паташик аккуратно засунул пакетик в нагрудный карман пиджака. – Стекло покрашено с одной стороны красной краской. Так обычно делают на защитных кожухах щитка пожарных сигнализаций. Скорее всего, перед смертью нашего парня хорошенько приложили головой о такой щиток, разбив при этом стекло.

– И ты думаешь, что при этом сигнализация сработала, и на место преступления выезжали огнеборцы? – наконец догадался Муни. – Черт возьми, на обработку информации уйдет целый день! Ночью в Чикаго горят десятки зданий!

– Вот именно, – ответил Паташик.

– Сократить круг поиска нам поможет время смерти этого бедолаги, – Кейт не выдержала и, поморщившись, отвернулась, прикрыв губы кончиками пальцев. – К тому же я не думаю, что у преступника было много времени на то, чтобы убраться с места преступления до приезда пожарных.

– Значит, искать следует в первую очередь в районе, где мы выловили автомобиль.

Позади них резко затормозил черный «Додж» с правительственными номерами и мигалкой, из задней двери которого на ходу выскочил Синиз, опередив воителя, который запоздало выбрался из салона, чтобы, в свою очередь, открыть ему дверь.

– А вот и сам Мартин Лютер пожаловал, – пробормотал под нос Муни. – Забрала долой.

– Так, ну, что тут у вас! – перекрывая общий гомон, на ходу прогремел начальник, путаясь короткими ногами в полах черного плаща. – И давайте без соплей. У меня с утра дерьмовое настроение, и постарайтесь угадать почему!

На вид Синизу можно было дать в районе пятидесяти пяти или около того. Темнокожий, подтянутый, с близко посаженными глазами, над которыми кустились густые брови на низком покатом лбу. Над тонкими усиками щеточкой нависал массивный приплюснутый нос, ноздри которого воинственно раздувались, шумно вдыхая влажный утренний воздух.

– Здравствуйте, шеф, – Муни и Паташик расступились, давая возможность начальнику подойти к носилкам. – Рады видеть. Как добрались?

– Засунь свои шуточки куда поглубже, Паташик. Смит, боже мой, – бегло окинув останки, отвернувшись, поморщился Синиз и коротко выругался. – Что случилось? Предсмертная записка, угрозы, послания? Ну?

– Подняли со дна в машине, предварительно, смерть четыре-пять часов назад, – снова достав блокнот, отрапортовал Муни. – Есть свидетель, рыбак. Обнаружил «Додж», который сносило вдоль берега течением между шестью и семью утра. Пока все.

– Все? Все?! – внезапно заорал Синиз, так что на пиджак итальянца, возвышавшегося над ним на две головы, полетели брызги слюны. Впервые наблюдавшая нового начальника Кейт сделала несколько шагов назад, обходя носилки так, чтобы оказаться за широкой спиной итальянца. – У нас тут труп агента с отрубленной рукой, которого вылавливают из озера в машине, которая числится в розыске по вчерашнему ограблению броневика, вылизанному, как детская тарелка с сиропом, и ты мне говоришь, что это все?! Чего тебе еще-то не хватает, а? Расчлененки, изнасилования, пары трупиков?!

– Автомобиль уже в розыске? – удивился Муни. – Но ведь ни зацепок, ни номеров...

– Что значит «уже»? – передразнивая, всплеснул руками начальник. – Не знаю, как у нас, а в полиции люди рвут задницу и работают, между прочим! У нас, можно подумать, каждый день тут такое. Еще чуть-чуть, и Чикаго побьет все рекорды по росту преступности. Ты мне это хочешь сказать, а? Фига, брат! Не выйдет! Не в мою смену, уж поверь! Так, что еще... Перстень нашли?

– Сами видите, – Паташик виновато покачал головой. – Вероятно, был отрублен с рукой на месте убийства, так как нужно время, чтобы извлечь днк-пароль...

– Какой ты догадливый! И давай-ка без лекций, – оборвал Синиз и еще раз посмотрел на носилки и, как ей показалось, скользнул взглядом по Кейт. – Еще лучше. Теперь нам разбираться не только со Смитом, но еще неизвестно с кем, кто теперь разгуливает по городу с перстнем в кармане или черт еще знает там где!

– Кое-что все-таки есть, – чтобы хоть как-то успокоить разозленного начальника, Паташик вытащил из кармана пакетик, в котором находилось несколько осколков. – У нас есть теория, по которой, быть может, нам удастся найти место преступления.

– Так чего вы ждете? – прищурился надвинувшийся на него Синиз.

– Мы работаем, сэр, – поправил очки Паташик.

– Ты что, ФБР?

– Н-нет, – растерялся тот.

– Ну, так и придумай ответ получше! Значит, так, делайте что хотите и как хотите, но чтобы к вечеру у меня на столе лежал доклад, ясно? От меня ждут новостей наверху, и, черт возьми, я их им предоставляю. Как мы можем спокойно продолжать работу, когда у нас под носом расправляются с агентами за просто так? А что будет завтра – отстрел оператив-

ников, штурм штаб-квартиры? Все. Глаза б мои вас не видели. Мне нужен результат, ясно? Работайте!

– Извините, – решила Кейт, увидев, что Синиз собирается уезжать, направляясь к своему «Доджу», дверь которого уже предупредительно открывал водитель. – Мистер Синиз! Здравствуйте, сэр.

– Кто вы? – притормозив, напрягшийся Синиз смерил Кейт удивленным взглядом и завертел головой в поисках виновного. – Зачем пропустили прессу? Никаких комментариев...

– Либби, Кейт Либби, – робко представилась девушка.

– А-а, новичок, – замолчав и словно заново посмотрев на девушку, подвыпустил пар Синиз. – Слишком молода. Но все равно, добро пожаловать. Надеюсь, с обустройством порядка, машину получили? Извините, что перевод начинается сразу с такой кутерьмы, но у нас тут вообще засиживаться не придется, так что советую привыкать. Я ценю в сотрудниках продуктивность и результат!

– Да все в порядке, сэр, я все понимаю и готова к работе. Просто хотела узнать насчет оружия. Муни сказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.